

Экономическая политика: между
кризисом и модернизацией

Д. В. Соколов

**Истоки конфликтов
на Северном Кавказе**

«РАНХиГС»

2015

Соколов Д. В.

Истоки конфликтов на Северном Кавказе /
Д. В. Соколов — «РАНХиГС», 2015 — (Экономическая
политика: между кризисом и модернизацией)

С чем в первую очередь ассоциируется Северный Кавказ?
К сожалению, не с прекрасной природой, вкусной едой,
гостеприимными жителями, а с конфликтами, радикализмом,
терроризмом. Что только не объявляют причинами подобной
ситуации! И отсталость проживающих там народов, и особый
характер горцев, и агрессивность исламской цивилизации.
Авторы данной монографии стремятся показать, что дело не в
уникальности кавказских социумов, а в особенности переживаемого
ими исторического этапа. Этапа слома традиционного общества,
активной урбанизации, демографического перехода. А этнические
и религиозные конфликты – те формы, в которых выступают
свойственные данному этапу противоречия.

Содержание

Введение	6
1. Северный Кавказ – факторы конфликтогенности	9
1.1. Демографические факторы конфликтности	11
Естественное движение населения	11
Миграционные процессы	15
Урбанизация	19
1.2. Институциональная структура власти и общества: факторы конфликтности	24
Дисфункция государственных институтов	24
Кризис системы регулирования традиционного общества	29
Реакция общества на кризис регулирования и связанные с этим конфликты	32
1.3. Конфликты и «замкнутый круг насилия»	37
1.4. Типы и формы конфликтов на Северном Кавказе	41
2. Этничность и насилие на Северном Кавказе	45
2.1. Этнический фактор и конфликты	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Д. В. Соколов, И. В. Стародубровская

Истоки конфликтов на Северном Кавказе

© ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», 2013, 2015

Введение

Конфликтность отношений на Северном Кавказе – факт, не требующий особых доказательств. Она очевидна, наглядна, подтверждения этому можно найти чуть ли не ежедневно. В то же время, возможно, именно по причине подобной очевидности серьезный и системный анализ истоков конфликтности в данном регионе найти не так просто. В общественном сознании и популярной литературе укоренился набор расхожих штампов: кавказцы вытесняют русских; горцы – дикие, агрессивные люди; ислам порождает терроризм и т. п. Всплески национализма, нагнетание антикавказских настроений еще более усиливают идеологизацию и политизацию данных вопросов, препятствуют объективному анализу информации и поиску конструктивных решений. Иногда данные процессы затрагивают и исследования по рассматриваемой проблематике.

Между тем в мире не так мало регионов, схожих с Кавказом и по остроте характерных для них противоречий, и по распространенности насильственных методов их разрешения. Соответственно в мировой науке наработан достаточно большой опыт подходов к их анализу. Правда, и здесь нельзя сказать, что все проблемы решены. Используемая в исследованиях информация отрывочна и фрагментарна, теоретические модели часто оторваны от эмпирического материала, применение количественных методов во многих случаях ведет к противоречивым выводам, анализ примеров отдельных стран страдает поверхностностью и описательностью. Нельзя сказать, что полностью удалось уйти от идеологизации: достаточно сравнить результаты анализа проблем терроризма израильскими и палестинскими исследователями. В то же время сформирована определенная культура анализа данных проблем, появляются попытки теоретического осмысления феноменов насилия и слабости государства, накоплена достаточно широкая информационная и аналитическая база, позволяющая вписывать события на Северном Кавказе в более широкий международный контекст. Именно обретение подобного контекста являлось одной из задач настоящего исследования.

В то же время данная работа продолжает линию, намеченную на предыдущих этапах исследования и нашедшую отражение в коллективном труде: «Северный Кавказ: модернизационный вызов»¹. В нем было показано, что Северный Кавказ – не отсталое, застойное общество, а общество на переломе, где идут активные процессы трансформации. Основной акцент был сделан на препятствиях к модернизации (институциональных ловушках), а также ростках очаговой модернизации, так или иначе (хотя и с большими потерями) эти препятствия преодолевающих. Проблематика конфликтов была затронута лишь вскользь. Теперь мы пытаемся посмотреть на те же процессы через другую призму, оценив их роль в порождении, обострении либо разрешении характерных для Северного Кавказа конфликтов.

Как и предшествующие, настоящая работа базируется на результатах широкомасштабных полевых исследований. Там, где не указано иное, используются материалы следующих полевых исследований:

- Соколов Д., Стародубровская И., 2010–2011 гг., Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика;
- Стародубровская И. 2011 г., Республика Татарстан;
- Соколов Д., 2011 г., Ставропольский край 2011, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Северная Осетия – Алания;
- Соколов Д., Капустина Е., Захарова Е., Гуляева Е., Филиппова Е., Иванов Ф., 2011, Ставропольский край.

¹ См.: Стародубровская И. В., Зубаревич Н. В., Соколов Д. В., Интигринова Т. П., Миронова Н. И., Магомедов Х. Г. Северный Кавказ: модернизационный вызов. М.: Дело, 2011.

Очевидно, что конфликты, тем более в насильственных формах, гораздо менее благодатная для полевых исследований тема, чем модернизация. В связи с этим по многим вопросам информация представлена достаточно фрагментарно, примеры единичны. Остается еще значительный резерв для продолжения и углубления темы. Но в то же время исследования этого года в бо льшей мере выявили многомерность и нелинейность вырисовывающейся картины. Сложившиеся представления о происходящих процессах в ходе анализа претерпевали существенную эволюцию, теряя свою однозначность и поворачиваясь неожиданными гранями. Наверное, даже можно сказать, что в конце исследования ответить на вопрос, что такое ваххабизм, оказалось труднее, чем в начале.

Структура работы подчинена ее основополагающей идее – религиозные, этнические и тому подобные факторы и оси размежевания сами по себе рассматриваются не как причины конфликтов, а как формы, в которых выступают многообразные и противоречивые процессы трансформации, идущие в северокавказских регионах. Соответственно, в *первой главе* выделены факторы, влияющие на конфликтный потенциал идущей в северокавказских регионах трансформации. *Последующие три главы* рассматривают основные проблемы, с которыми обычно ассоциируется конфликтность на Северном Кавказе: этнические конфликты, терроризм и радикальный ислам. *Последняя глава* посвящена возможным рекомендациям по корректировке федеральной политики на Северном Кавказе.

Заметим, что разделение проблематики радикального ислама и терроризма – это наш сознательный выбор, точнее, некоторого рода эксперимент. Если рассматривать терроризм как реакцию определенных слоев общества на процессы трансформации в тех специфических формах, в каких они протекают на Северном Кавказе, а религию – как одну из возможных идеологических оболочек, которую по тем или иным причинам берут на вооружение радикалы, то отдельный анализ терроризма и радикального ислама не должен представлять труда. Нам кажется, эксперимент удался, хотя и не без ущерба для целостности картины (в реальной действительности эти два фактора все же сильно переплетены).

Как и в прошлом исследовании, центральное место в настоящей работе занимает Дагестан: и по причине разнообразия исходных условий и процессов трансформации (а тем самым и порождаемых ими конфликтов), и по причине бо льшей открытости данного региона для исследований. В ограниченном объеме продолжилось изучение ситуации в Кабардино-Балкарии. В то же время бо льшее внимание уделено ряду регионов, вообще не фигурировавших ранее или представленных крайне слабо: Карачаево-Черкесии, Ставропольскому краю.

Настоящее исследование никогда бы не было подготовлено, если бы в регионах Северного Кавказа мы не опирались на поддержку тех, кому небезразлично будущее этого края.

В Дагестане огромную организационную работу проделал Хабиб Магомедов. Неоценимой была помощь Магомеда Ахдуханова, Ахмеда Ахмедилова, Али Камалова, Гаджи Габалова из Согратля, Фатимы Гаммадовой из Балхара, Алиасхаба, Магомеда и Мусы Мугумаевых из Орота, которые предоставили кров и со вкусом и знанием показали свое село. Муртузали Нурмагомедов продемонстрировал прекрасное урочище Ахедуни, а Гамзат Дарбишгаджиев был нашим замечательным гидом по Унцукульскому району.

Мы благодарны за поддержку Зубайру Зубайруеву, Зауру Газиеву, Михаилу Чернышову, Нариману Гаджиеву, Абсолютдину Мирзаеву, Янгурчи Аджиеву, Исмаилу Джанхуатову, Залимхану Кочерову и его коллегам из Ногайского района, Рамину Мурадову из Табасаранского района. Неоценимую помощь оказала Эльмира Кожаева. Особо хотелось бы вспомнить Рамазана Наврузалиева, который очень помог нам в Дербенте. Он нелепо погиб весной 2012 г., но навсегда останется в нашей памяти.

Представления о Дагестане были бы гораздо менее полными без взаимодействия с Расулом Кадиевым, Магомедом Магомедомаровым, Заиром Абдулагатовым, беседы с которым еще более дополнили и углубили впечатления от его интереснейших публикаций. Мы также благодарны Аббасу Кебедову за то, что он нашел время встретиться с нами и поделиться своими взглядами на пути урегулирования конфликтов в республике.

В Ставропольском крае работа не была бы возможной, если бы не Евгений Бондаренко из правительства края, Сергей Андреевич Логвинов из Курской, Юрий Ефимов из Ставрополя, Олег Георгиевич Иванов, глава муниципалитета Эдиссия, атаман Юрий Болдырев и Андрей Баженов из Галюгаевской, Зайнудин Азизов из Степного, Илья Савченко, Рашид Садыков из Иргаклы, Ассам и Анвар из Кара-Тюбе, Хусеин из Тукуй-Мектеба.

В Кабардино-Балкарии исследования состоялись благодаря Ибрагиму Яганову, Узеиру Курданову и Аслану Бешто.

В Карачаево-Черкесии нас поддерживали Олег Аргунов, Алхаз Бидижев из Тиберды, Азрет Караев из «Эльбрусоида», Магомед Кушханов из села Псыж, Белла Джемакулова, Тахир из Ногайского района. Много времени и сил уделила нам Антонина Головина из станции Исправная.

В Ингушетии исследование было бы гораздо менее содержательным, если бы не помощь коллеги из Санкт-Петербурга Маки Албогачиевой. Магомед и Умар Албогачиевы взяли на себя добровольный труд по организации нашей работы в республике, Башир Льянов встретил в Джейрахском районе, Лейла Арапханова помогала в Назрани. Заурбек Мальсагов дал трезвое представление об экономической ситуации в республике, а Магомед Даурбеков из Малгобека организовал поездку в Тарское.

В Северной Осетии организовали нашу работу руководство пресс-службы президента республики, руководитель аппарата правительства Алан Багиев и Вероника Башкирцева.

В Чечне помогли делом и советом Магомед Алхазуров, Магомед Магомаев, Роза Байсултанова и Тимур Алиев.

1. Северный Кавказ – факторы конфликтогенности

Северный Кавказ – территория, насквозь пронизанная конфликтами. Что порождает подобную ситуацию? Объяснения могут быть самые разные. Это и особый характер населяющих Кавказ горцев, и многонациональный и многоконфессиональный состав населения, и сложная и противоречивая история этой территории, буквально перетасовавшая проживающие на ней народы. Свою лепту вносит и идеология радикального ислама, подъем которой усиливает конфликты не только на Кавказе, но и во всем мусульманском мире. Если исследователи обращаются к экономическим причинам, то обычно говорят о бедности, массовой безработице, депрессивности экономики как источниках конфликтного потенциала в регионе. Не обойдены вниманием и такие негативные явления, как клановость и коррупция. В совокупности все эти факторы представляют стандартный набор, используемый в той или иной конфигурации для анализа проблемы.

Нельзя не признать, что, так или иначе, все эти моменты значимы. Однако исследование требует, с одной стороны, системного рассмотрения проблемы, выявления в максимальной степени исчерпывающего набора факторов, определяющих высокую конфликтность в регионе. С другой стороны, с учетом практической актуальности темы необходимо, чтобы анализ приводил к каким-то практическим рекомендациям, позволяющим улучшить ситуацию в рамках существующих объективных ограничений либо доказывал принципиальную невозможность снижения конфликтогенности в результате сознательных действий властей.

К сожалению, системные исследования истоков конфликтов на Северном Кавказе не получили распространения. Практически ставится вопрос о том, не в какой мере данные конфликты неизбежны, а каким образом возможно их смягчение или даже нейтрализация. Это ограничивает и подходы к практическим предложениям в данной сфере. В большинстве случаев они сводятся к трем основным моментам:

- улучшение экономической ситуации в регионе; создание рабочих мест (на это, собственно, направлена Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.);
- борьба с клановостью и коррупцией;
- усиление идеологической работы с молодежью.

Однако при упрощенном понимании факторов, лежащих в основе существующих конфликтов и способных порождать новые, эти меры не обязательно будут позитивно воздействовать на нормализацию ситуации. Более того, они сами могут провоцировать обострение ситуации и углубление конфликтов.

Немаловажным ограничителем анализа конфликтов на Северном Кавказе выступает представление о регионе как депрессивном, застойном, архаичном. Конфликты в устойчивых и динамично меняющихся обществах носят существенно различный характер, разрешаются в различных формах и предъявляют абсолютно различные требования к политике властей. Доказательством того, что Северный Кавказ относится именно к последнему типу обществ и традиционные представления в данной сфере во многом являются иллюзией, посвящена значительная часть работы «Северный Кавказ – модернизационный вызов», содержащей результаты наших предшествующих исследований данного региона. На Северном Кавказе происходят масштабные демографические, экономические, социальные сдвиги, позволяющие характеризовать социумы в северокавказских республиках как общества на переломе. Под воздействием краха советской системы и усиления процессов глобализации происходит размывание традиционных обществ, разрушение сложившихся регуляторов человеческих отношений.

Подобные процессы чрезвычайно травматичны для любых социумов. Как отмечают исследователи, «...даже западные народы пережили преобразование общества как болезненный процесс. Они пережили почти четыреста лет политических и часто кровавых революций, господство террора, геноцида, ужасные религиозные войны, разграбление деревни, обширные социальные перевороты, эксплуатацию на фабриках, духовную немощь и глубокое одиночество в новых городах-гигантах. Сегодня мы видим такое же насилие, жестокость, революции и потерю ориентиров в развивающихся странах, которые переживают еще более трудный процесс перехода к современному обществу»². Представляется, что аналогичные процессы составляют базу столь высокой конфликтогенности на Северном Кавказе, именно они придают столь явную остроту старым и порождают новые противоречия и трения. Через призму подобной динамики и будет происходить анализ истоков конфликтов на Северном Кавказе.

² Армстронг К. Ислам: краткая история от начала до наших дней. М.: Эксмо, 2011. С. 197–198.

1.1. Демографические факторы конфликтности

Демографические факторы во многом формируют тот фон, на котором разворачиваются конфликты на Северном Кавказе.

Естественное движение населения

Одним из важнейших факторов здесь выступают высокие темпы роста населения, которые объективно усиливают конкуренцию за жизненное пространство, рабочие места, ресурсы. Роль данного фактора в человеческой истории подверглась достаточно серьезному научному анализу. Так, исследователи традиционных обществ обращают внимание на то, что в условиях недостаточной гибкости социальных и политических институтов всплески рождаемости обычно приводят к социальным катаклизмам, поскольку возросшее население не находит адекватных ресурсов для удовлетворения своих потребностей. В результате усиливающейся конкуренции между работниками падают заработки, увеличение крестьянского населения приводит к нерациональному дроблению земельных участков. Среди элиты усиливается соперничество за государственные должности. Новые очаги недовольства возникают в быстрорастущих городах, особенно этому способствуют демографические сдвиги, увеличивающие долю молодого населения. Однако недостаточность ресурсов сама по себе оказывается регулятором численности: в результате ухудшения жизненных условий растет смертность; возросшие масштабы насилия приводят к убыли населения как итогу войн и восстаний; падает рождаемость, и исходный баланс восстанавливается, давая толчок новому циклу³.

Улучшение здравоохранения, повышение гигиенических стандартов и общий рост уровня жизни с развитием общества приводят к снижению показателей смертности и прекращению автоматического регулирования численности населения за счет естественных факторов. Постепенно рождаемость также адаптируется к этим изменениям, показатели рождаемости снижаются. Однако тот период в истории любой страны, когда смертность уже снизилась, а рождаемость еще не упала, создает наиболее существенный конфликтный потенциал за счет демографических факторов. В этих условиях воспроизводится первая часть рассмотренного выше цикла – рост конкуренции вследствие увеличения населения. Однако вторая его часть – восстановление равновесия – не реализуется. И здесь негативное влияние может оказывать как отсутствие экономического роста, так и быстрый экономический рост, неизбежно сопровождаемый активными структурными сдвигами.

Так, в предреволюционном Иране численность населения, несмотря на пропаганду контроля рождаемости, с 1956 по 1976 г. выросла более чем на три четверти (с 18 955 тыс. до 33 491 тыс. человек), накануне революции почти половина населения составляла молодежь в возрасте до 16 лет⁴. При этом в предреволюционные десятилетия Иран развивался чрезвычайно высокими темпами: 8 % в год – в 1962–1970 гг.; 14 % – в 1972–1973; 30 % – в 1973–1974⁵. Однако это не только не позволило предотвратить нарастание конфликтов в стране, но и усилило конфликтный потенциал за счет активных социальных сдвигов (доля

³ См: Goldstone J. A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkley, CA: University of California Press, 1991.

⁴ Abrahamian E. A history of Modern Iran. Cambridge University Press, NY., 2008, p. 134.

⁵ McDaniel T. Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran. Princenton University Press, NJ.: Princenton University Press, 1991, p.82.

городского населения за 25 лет увеличилась с 28 до 47 %, за 20 лет доля крестьян и сельскохозяйственных рабочих в общей численности занятых уменьшилась с 60 до почти 30 %⁶).

На Северном Кавказе на протяжении достаточно длительного времени наблюдалась несколько другая картина: снижение смертности не сопровождалось существенным падением рождаемости⁷; отсутствовал активный экономический рост, что препятствовало появлению новых возможностей и ресурсов, которые могли бы смягчить демографическое давление; но при этом осуществлялись структурные социальные сдвиги, связанные, в частности, с продолжающейся урбанизацией. Последствия данных процессов наиболее остро стали проявляться в послесоветские десятилетия. Конкуренция во многом переместилась с предметов первой необходимости на удовлетворение потребностей более высокого порядка, однако при этом ее конфликтный потенциал сохранился⁸.

В то же время подобное промежуточное положение в рамках демографического перехода не может существовать неопределенно долго. На настоящий момент рождаемость в большинстве северокавказских республик хотя и превышает среднероссийский показатель не выходит за рамки простого воспроизводства населения. Исключение составляет Чеченская Республика, но в данном случае сохраняется вопрос об адекватности исходной информации. Еще более показательна динамика рождаемости сельского населения. Несмотря на меры государственной политики, направленные на обеспечение прироста населения, за исключением Чечни и Дагестана показатели рождаемости в селе также держатся на уровне простого воспроизводства (2 ребенка и менее). При этом их падение в постсоветский период в ряде республик носило драматический характер. Так, с 1990 по 2006 г. суммарный коэффициент рождаемости в Республике Дагестан снизился более чем на 40 %, в Кабардино-Балкарии – более чем в два раза. Некоторое повышение рождаемости в последующий период принципиально не изменило картину⁹ (см. табл. 1.1).

Таблица 1.1

Суммарный коэффициент рождаемости по республикам Северного Кавказа за 1990–2009 гг.

⁶ McDaniel T. *Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran*. Princeton University Press, NJ.: Princeton University Press, 1991, p. 131.

⁷ В советское время население на Северном Кавказе росло достаточно высокими темпами. Так, если численность населения СССР с 1940 по 1987 г. увеличилась примерно на 45 %, то по Северо-Кавказскому району аналогичный показатель составил 57 % как за счет естественного прироста, так и миграционной привлекательности региона (Экономическая география СССР. Ч. 2. М.: Изд-во МГУ. С. 80). С учетом того, что в данный район были включены Ростовская область, а также Краснодарский и Ставропольский края, можно предположить, что в национальных республиках показатели были еще выше.

⁸ Подобная конкуренция и связанный с ней потенциал насилия очень хорошо ощущаются среди молодежи в сообществах с сохранением высокой рождаемости: «У нас никто вторым быть не хочет, поэтому стреляют много».

⁹ При этом заметим, что падение рождаемости влияет на снижение конкуренции между индивидами за ресурсы и статусы и связанного с ней потенциала насилия с достаточно существенным временным лагом, который можно оценить минимум в 15–20 лет. Чтобы изменения демографических показателей стали оказывать ощутимое влияние на социальную ситуацию, новые, не столь многочисленные поколения должны войти в сознательный возраст.

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Все население																				
Чеченская Республика	2,8	2,7	2,3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3,0	2,9	2,8	3,1	3,4	3,4
Республика Ингушетия	–	–	–	–	–	2,7	2,3	2,3	2,3	2,4	2,5	2,2	1,9	1,7	1,6	1,5	1,7	1,8	2,0	2,0
Республика Дагестан	3,1	2,9	2,7	2,5	2,5	2,4	2,2	2,1	2,1	1,9	1,8	1,8	1,9	1,8	1,8	1,7	1,6	1,8	1,9	2,0
Северная Осетия — Алания	2,2	2,1	1,9	1,7	1,8	1,8	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,8	1,8	1,8
Карачаево-Черкесская Республика	2,2	2,2	2,1	1,7	1,8	1,7	1,6	1,5	1,5	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,5	1,4	1,7	1,8	1,7
Кабардино-Балкарская Республика	2,5	2,4	2,2	1,9	1,8	1,7	1,6	1,5	1,4	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2	1,1	1,2	1,4	1,5	1,5
Ставропольский край	2,1	2,0	1,9	1,6	1,6	1,5	1,4	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,3	1,4	1,4
Российская Федерация	1,9	1,7	1,5	1,4	1,4	1,3	1,3	1,2	1,2	1,1	1,1	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,4	1,5	1,5
Городское население																				
Чеченская Республика	2,2	2,3	2,0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4,0	4,0	3,2	3,5	3,5	3,3
Республика Ингушетия	–	–	–	–	–	2,3	2,3	2,2	2,0	2,2	2,5	2,2	1,8	1,8	1,7	1,6	1,7	1,8	2,0	1,9
Республика Дагестан	2,6	2,4	2,1	1,8	1,8	1,7	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,5	1,4	1,4	1,3	1,3	1,4	1,6	1,6

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Северная Осетия — Алания	2,2	2,1	1,8	1,6	1,7	1,7	1,5	1,4	1,4	1,4	1,3	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,7	1,7	1,8
Карачаево-Черкесская Республика	1,9	1,9	1,7	1,4	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,2	1,3	1,3	1,3	1,4	1,3	1,3	1,2	1,4	1,5	1,5
Кабардино-Балкарская Республика	2,0	1,9	1,7	1,4	1,4	1,3	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,1	1,3	1,3
Ставропольский край	1,7	1,6	1,5	1,3	1,4	1,3	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1	1,1	1,2	1,2	1,1	1,1	1,2	1,3	1,3
Российская Федерация	1,7	1,5	1,4	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1	1,0	1,1	1,1	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	1,4	1,4
Сельское население																				
Чеченская Республика	3,3	3,0	2,6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2,4	2,3	2,6	2,9	3,3	3,4
Республика Ингушетия	–	–	–	–	–	3,0	2,3	2,4	2,6	2,6	2,4	2,2	2,0	1,7	1,5	1,5	1,6	1,7	2,0	2,0
Республика Дагестан	3,5	3,4	3,2	3,0	3,0	2,9	2,7	2,6	2,5	2,3	2,2	2,1	2,2	2,2	2,1	2,1	2,0	2,2	2,3	2,3
Северная Осетия — Алания	2,3	2,0	2,0	1,8	2,0	2,0	1,9	1,8	1,8	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,4	1,3	1,4	1,9	2,0	2,0
Карачаево-Черкесская Республика	2,5	2,5	2,5	2,0	2,1	2,1	1,8	1,7	1,7	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,6	1,6	1,6	2,0	2,1	2,0
Кабардино-Балкарская Республика	3,1	3,1	2,8	2,5	2,4	2,2	2,1	2,0	1,9	1,7	1,6	1,5	1,5	1,5	1,5	1,4	1,5	1,9	1,8	1,8
Ставропольский край	2,6	2,5	2,3	1,9	1,9	1,8	1,6	1,6	1,6	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,3	1,4	1,4	1,6	1,7	1,7
Российская Федерация	2,6	2,4	2,2	1,9	1,9	1,8	1,7	1,6	1,6	1,5	1,6	1,6	1,6	1,7	1,7	1,6	1,6	1,8	1,9	1,9

Источник: Росстат.

Таблица 1.2

Темпы роста численности населения по Республикам Северного Кавказа

	1989/1959	1999/1989*	2009/1999	2010/2009	2009/1959	2009/1989*
Республика Ингушетия	–	1,60	1,68	1,02	–	2,69
Республика Дагестан	1,70	1,33	1,13	1,01	2,55	1,50
Кабардино-Балкарская Республика	1,81	1,15	1,02	1,00	2,12	1,17
Чеченская Республика	–	1,05	1,07	1,02	–	1,13
Ставропольский край	1,52	1,12	0,99	1,00	1,69	1,11
Северная Осетия — Алания	1,41	1,08	1,03	1,00	1,56	1,11
Карачаево-Черкесская Республика	1,47	1,06	0,97	1,00	1,50	1,02
Российская Федерация	1,25	1,00	0,96	1,00	1,21	0,96
Чечено-Ингушская АССР	1,80	–	–	–	–	–

* Чеченская Республика и Республика Ингушетия – данные за 1990 г.

Источник: Росстат.

Данные тенденции позволяют многим исследователям вполне справедливо ставить под вопрос адекватность статистического измерения роста численности населения в северо-кавказских республиках (см. табл. 1.2), особенно в Дагестане, Ингушетии и Чечне¹⁰. Однако тут необходимо учитывать и обратную закономерность. Если рождаемость регистрируется адекватно, а численность населения завышена, искусственно увеличивается знаменатель при расчете коэффициентов рождаемости и значение показателя становится меньше. Таким образом, можно предположить, что представленная статистика рождаемости несколько преуменьшает реальные величины. Тем не менее это не меняет принципиально общей тенденции – Северный Кавказ приближается к завершению демографического перехода, и при смене поколений фактор высокой рождаемости не должен играть столь важную роль в провоцировании конфликтов, какую он играет сейчас.

Однако представленные данные не позволяют сделать выводы о внутрирегиональных различиях в воспроизводстве населения. То, что подобные различия существуют, подтверждается как мнением демографов¹¹, так и нашими собственными полевыми исследованиями. Причем они могут носить многоуровневый характер: различается демографическое поведение городского и сельского населения, отдельных этносов, различных территорий в рамках одного этноса, иногда – соседних сел. Так, в Дагестане рождаемость на 1000 человек населения по сельским районам дифференцируется более чем в два раза, при этом стабильно высокая рождаемость сохраняется в отдаленных аварских горных районах – Цунтинском, Цумадинском, Тляртинском, в одном из горных районов Южного Дагестана – Табасаранском, а также в трех равнинных районах – Карабудахкентском, Хасавюртовском (где много переселенцев из Цумадинского района) и Новолакском¹². В Карачаево-Черкесии разрыв в рождаемости между районами существенно меньше, во второй половине 2000-х гг. он составлял примерно 30 %. Относительно более высокой рождаемостью отличаются такие районы, как Усть-Джегутинский, Карачаевский, Малокарачаевский, а также Прикубанский. Часть этих районов – карачаевские, часть – со смешанным населением, где карачаевцы соседствуют с этническими группами, завершившими демографический переход (русскими, абазинами и т. п.). Это значит, что рождаемость у карачаевцев в указанных районах должна быть еще

¹⁰ См., например: *Зубаревич Н.* Лукавые цифры на карте родины // *Эко. Сибирское отделение РАН.* 2012. № 4.

¹¹ Как отмечают, например, дагестанские демографы, «самые высокие показатели естественного прироста характерны для таких коренных дагестанских национальностей, как табасаранцы, аварцы, даргинцы, рутульцы, цахуры, кумыки» (*Эльдаров Э. М.* Динамика системы населения Дагестана в постсоветский период // *Демографија*, кн. IV, Белград, Республика Сербия, 2007, с. 271. <http://www.gef.bg.ac.rs/img/upload/files/Rad%2021.pdf>. В селении Гимры Унцукульского района, по имеющейся информации, суммарный коэффициент рождаемости составляет 4,7.

¹² Рассчитано по статистическому сборнику «Демографический ежегодник Дагестана», 2010, таблица 2.3.

выше. С этими районами по данному показателю вполне сопоставимы сельские черкесские районы – Хабезский и Адыге-Хабльский¹³.

Фактор дифференциации стадий демографического перехода также играет немаловажную роль в провоцировании конфликтов. Можно выделить два аспекта данной проблемы.

Во-первых, сохранение высоких темпов воспроизводства населения консервирует связанные с этим факторы конфликтности хотя бы у некоторых этнических, конфессиональных либо других групп на Северном Кавказе. Это означает, что усиление конкуренции за «жизненное пространство» и ресурсы будет провоцировать эти сообщества к территориальной и ресурсной экспансии.

Во-вторых, здесь играет роль и различие системы ценностей обществ, завершивших и не завершивших демографический переход. Так, на ранних стадиях демографического перехода более ценной считается жизнь матери¹⁴, в дальнейшем повышается ценность жизни детей. Тем самым сообщества, прошедшие демографический переход, уже не столь готовы терять молодежь в насильственных столкновениях¹⁵. В то же время позиция «еще нарожаем», сохраняющаяся у некоторых горских сообществ с большим количеством детей в семье, во многом предопределяет их более агрессивное поведение.

Миграционные процессы

Наряду с процессами естественного прироста населения важнейшим фактором, формирующим конфликтный потенциал на Северном Кавказе, является миграция. Население Северного Кавказа достаточно мобильно, что связано и с традициями отходничества (выезда на заработки в другие регионы), развивавшимися в досоветское и в советское время; и с экономическими и социальными изменениями, происходившими в советский период; и с глубиной и продолжительностью постсоветского трансформационного кризиса. Наиболее распространенными миграционными стратегиями людей являются:

- миграция с гор на равнину;
- миграция из села в город (урбанизация);
- миграция из республик Северного Кавказа в другие регионы.

Конфликтный потенциал миграции с гор на равнину связан с тем, что на один и тот же ресурс, в первую очередь земельный, начинают претендовать различные сообщества – «коренные» и «пришлые». Миграционные процессы горцев на равнину начались еще в XVIII в., и уже во второй половине 1920-х гг. население горных районов Северной Осетии составляло только 14 % от его общей численности, тогда же $\frac{5}{6}$ ингушей обосновались на равнине¹⁶. В то же время в Дагестане, где горы занимают 56 % территории республики, дан-

¹³ Рассчитано по статистическому сборнику Карачаево-Черкесская Республика, 2011, таблица 1.5.

¹⁴ Так, по информации Н. Зубаревич, в Азербайджане в ходе социологического опроса респондентам был задан вопрос: «Если вы плывете в лодке с женой и ребенком и лодка перевернулась, кого вы будете спасать первым?». В условиях незавершенности демографического перехода респонденты говорили, что вначале будут спасать мать, детей она еще родит. Знаменательно, что в Чечне, где рождаемость достаточно высока, жену принято называть «мать моих детей».

¹⁵ Косвенным подтверждением этого тезиса являются также наблюдения Георгия Дерлугьяна об участниках локальных конфликтов на Кавказе: «...даже фрагментарные данные о происхождении боевиков, воевавших не только в Чечне, но и в Нагорном Карабахе и Абхазии, свидетельствуют о непропорционально большом числе выходцев из семей, насчитывавших трое и более сыновей. <...> Разумеется, среди воевавших можно было увидеть и единственных сыновей, однако в основном это были идеалистически настроенные студенты. <...> В ходе бесед с бывшими добровольцами выяснилось еще одно показательное обстоятельство: среди них оказалось на удивление много сыновей из больших семей, где было четверо и более детей» (Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миротрансформационной перспективе. М.: Территория будущего, 2010. С. 21, 429).

¹⁶ См.: Карпов Ю. Ю. Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практи-

ный процесс стартовал значительно позже и происходил гораздо более сложно. В середине 1920-х гг. горцы составляли лишь 2 % населения равнинных территорий Дагестана. С этого момента примерно по 1970-е гг. переселение с гор на равнину носило плановый характер и далеко не всегда было добровольным. По имеющимся оценкам, оно охватило до 20 % населения республики¹⁷. Однако «...плановое переселение горцев... начало сворачиваться к концу 1970-х и в первой половине 1980-х гг. (центральные и южные районы равнинной зоны республики к этому времени перестали быть трудодефицитными и, наоборот, становились трудоизбыточными). Зато тогда же набрало изрядную силу неорганизованное переселение, главным образом молодых людей...»¹⁸. Миграция на равнину в Дагестане интенсивно продолжалась и в постсоветский период. Динамику процесса можно проследить по составу населения в равнинных районах республики. Так, к началу 1980-х гг. аварцы (наиболее многочисленный горный народ Дагестана) составляли $\frac{2}{3}$ населения Кизилюртовского и $\frac{1}{3}$ населения Хасавюртовского района, а к концу XX в. – уже 80 % жителей Кизилюртовского и более 38 % – Хасавюртовского района¹⁹.

Еще в советское время политика поддержки переселения с гор порождала конфликтный потенциал, вызывая недовольство равнинных народов. «Благоприятные условия, созданные для горцев-переселенцев: выделение нередко значительно бо́льших, чем у жителей кумыкских аулов, земельных участков, льготы налогообложения, сохранявшиеся за переселенцами на протяжении десятилетий, а также переселение кумыков из пригородов Махачкалы в Хасавюртовский р-н на место депортированных чеченцев при одновременном заселении освобожденных ими территорий горцами и др. – вызвали обоснованное недовольство кумыкской общественности»²⁰. В то же время у горцев в этой истории своя правда: «Там что было? Земля была. Там сотни, тысячи человек умирали тогда. Там же один камыш был, болота. Дренажи завозили, сушили эти земли и восстанавливали. Насильно загнали с Бежтинского, с Чародинского, с Глярятинского, с Унцукульского, с Гумбетовского районов, тогда, при советской власти, при Советском Союзе. Насильно загнали людей туда, на поле. А сейчас там нормальное хозяйство стало, земля плодородной стала, а сейчас уже кумык там хозяин. <...> Там же раньше транспорта не было, на арбах ездили, туда спускались. Заставляли, короче, людей пахать эти земли. А техники же тоже не было, чтобы дренаж делать, вручную делали дренаж, чтобы высушить это болото».

В постсоветское время можно выделить два направления политики, воздействующей на процессы переселения в Дагестане. С одной стороны имела место попытка повлиять на закрепление горцев в местах их исконного проживания, улучшая имеющуюся там инфраструктуру (дагестанская программа «Горы»), которая вполне предсказуемо оказалась неудачной. С другой стороны продолжалась фактическая государственная поддержка процесса переселения, выразившаяся в закреплении за горными районами так называемых «земель отгонного животноводства» (Закон РД от 09.10.1996 г. № 18 «О статусе земель отгон-

ках. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 405. При этом необходимо учитывать, что даже если основная волна движения горцев на равнину осталась в прошлом, во многом схожие конфликты могут провоцироваться различными стадиями демографического перехода горных и равнинных народов, о чем говорилось выше. Так, именно подобного рода конфликты, судя по всему, характеризуют взаимодействие карачаевского и русского населения в исконно русских казачьих станицах Карачаево-Черкесии и во многом имеют своим результатом вытеснение русского населения из этих населенных пунктов (в некоторых подобных станицах продается подавляющее число домов в «русской» части селения).

¹⁷ См.: Карпов Ю. Ю. Переселение горцев Дагестана на равнину. С. 418.

¹⁸ См.: Карпов Ю. Ю. Переселение горцев Дагестана на равнину. С. 98–99.

¹⁹ См.: Карпов Ю. Ю. Кутаны в Дагестане: объекты хозяйственной деятельности, фактор этнополитической напряженности // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 96. <http://kumikia.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=9S33>.

²⁰ См.: Карпов Ю. Ю. Кутаны в Дагестане: объекты хозяйственной деятельности, фактор этнополитической напряженности // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 100.

ного животноводства в Республике Дагестан») фактически в советских границах, отсутствии контроля за их целевым использованием как земель сельскохозяйственного назначения, тенденции к легализации возникающих на этих территориях незаконных населенных пунктов²¹, фактическом сохранении многих из существовавших прежде льгот и привилегий (в первую очередь путем приравнивания переселившихся с гор жителей равнины к жителям гор)²².

В результате земли отгонного животноводства существуют на настоящее время в 17 районах Республики Дагестан, в том числе в Бабаюртовском и Кумторкалинском районах они занимают почти 70 % земель (на территории первого располагаются отгонные земли 23 районов, на территории второго – 8 районов, на территории обоих районов выделены земли г. Махачкале); в Ногайском районе – 63 % (отгонные земли 23 районов и ряда организаций). Очевидно, именно в этих районах конфликтный потенциал проявляется наиболее открыто. По имеющимся оценкам на этих землях находятся около 200 незарегистрированных населенных пунктов, 11 из которых получили официальный статус муниципальных образований. Использование земель фактически не контролируется, в условиях существенного снижения масштабов отгонного животноводства оно во многом перепрофилируется на растениеводство и круглогодичное содержание скота. По информации наших собеседников в Республике Дагестан (представителей равнинных народов) на этих территориях имеет место фактическое присвоение земли отдельными представителями дагестанской элиты, хищническое использование земель в одних случаях и их недоиспользование – в других. Многие равнинные населенные пункты не имеют земель для нового строительства, для выпаса скота. Подобного рода конфликты во многом формируют социальный ландшафт Республики Дагестан и время от времени принимают насильственный характер.

Миграция с Северного Кавказа в другие регионы также была характерна и для советского периода²³. Отходничество как временный отъезд с постоянного места жительства на заработки продолжало развиваться в советское время, закладывая основу для более устойчивых миграционных процессов. Так, в 1970–1980 гг. отходники работали на государственных предприятиях, в колхозах и совхозах (на местных кирпичных заводах, строительстве бараков и хлевов, уборке урожая и выкорме бычков, строительстве домов для колхозников), в строительстве. В тот же период зародилась практика работы вахтовым методом в нефтегазовом секторе Сибири²⁴. Уже тогда временный отъезд мог трансформироваться в постоянный: «зачастую, уходя на работу на завод, люди постепенно переезжали на новое место насовсем, получали квартиру»²⁵.

Данная форма миграции существенно активизировалась после распада СССР. Люди уезжали от экономических неурядиц, национального и религиозного преследования, физической незащищенности и военных конфликтов. Наиболее ярко освещались процессы выезда из региона русского населения. Однако, например, по Республике Дагестан оценки миграции коренного населения демонстрируют сопоставимые с русским населением масштабы²⁶. При этом эксперты оценивают реальные масштабы миграции как существенно пре-

²¹ По имеющейся информации число подобных населенных пунктов за последние 20 лет фактически удвоилось: если в начале 1990-х гг. имеется информация о примерно 100 подобных поселениях, то сейчас называется цифра 200.

²² О связи проблематики земель отгонного животноводства с процессами переселения горцев на равнину см. также: Северный Кавказ: модернизационный вызов. Параграф 3.3.

²³ Например, по имеющейся информации «в 1959 г. за пределами Дагестана на территории СССР проживал 21 % от его титульных этносов» (Эльдаров Э. М. Динамика системы населения Дагестана в постсоветский период. С. 275).

²⁴ Капустина Е. Л. Отходничество в Нагорном Дагестане как социальное и экономическое явление (конец XIX – начало XXI века) // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. С. 369–370.

²⁵ Капустина Е. Л. Отходничество в Нагорном Дагестане как социальное и экономическое явление (конец XIX – начало XXI века) // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. С. 369.

²⁶ См.: Эльдаров Э. М. Динамика системы населения Дагестана в постсоветский период. С. 275.

вышающие официально фиксируемые значения. «Незарегистрированный поток мигрантов больше зарегистрированного»²⁷.

К основным направлениям выезда коренного населения из национальных республик Северного Кавказа можно отнести:

- крупные российские города (в первую очередь это Москва и Санкт-Петербург);
- северные территории, где ведется нефтедобыча;
- южные сельскохозяйственные территории за пределами национальных республик.

Миграция за пределы северокавказских республик одновременно и снижает конфликтный потенциал, уменьшая демографическое давление внутри региона, и сама служит источником дополнительных конфликтов. Мигранты с Северного Кавказа попадают в новую для себя институциональную среду, лишенную сдерживающих механизмов традиционного общества, но чуждую им по своему характеру. В этой среде часто больше экономических возможностей, но и более острая конкуренция за рабочие места. Причем, с одной стороны, эта конкуренция строится на других, непривычных для выходцев с Кавказа основах, значительную роль, особенно на квалифицированных работах, играют не личные связи, а более деперсонифицированные характеристики²⁸. С другой стороны, конкуренция также не является справедливой, поскольку дискриминация при приеме на работу «лиц кавказской национальности» носит достаточно массовый характер, сохраняются, хотя уже и на другой (национальной) основе, ограничения вертикальных лифтов, а также коррупция при приеме на работу.

Экономический кризис и рост антикавказских настроений привели к изменению баланса между позитивными и негативными последствиями миграции за пределы региона с точки зрения факторов конфликтогенности. Мигрантам с Северного Кавказа все сложнее вписаться в сообщества в других российских регионах. Все больше мигрантов возвращается на родину как по экономическим причинам, так и по соображениям личной безопасности. Невозможность реализовать выбранную жизненную стратегию, обеспечить «вертикальную мобильность» наравне с представителями других национальностей в рамках общероссийского пространства является существенным фактором, способным провоцировать конфликты. Те, кто вынужден вернуться, транслируют данный конфликтный потенциал, реально порожденный на других территориях, обратно на Северный Кавказ²⁹. Тем самым привнесенный конфликт может играть все большую роль внутри региона. В то же

²⁷ Мудуев Ш. С. Особенности миграционных процессов в Дагестане // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтническом Кавказском регионе. М.; Ставрополь, 2003. http://migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz040.php.

²⁸ В то же время есть примеры, когда, не найдя применения у себя на родине, молодые ребята вполне успешно устраиваются вне ее: «Я единственный был ногаец, который работает в таможене. <...> Пришел вопрос о сокращении, естественно, меня сократили. <...> Здесь я никому не нужен был. В минераловодской таможене меня приняли сами „на ура“, причем приняли на хорошее место. <...> То есть в конкурентной обстановке у меня получилось нормально работать, и нормально я там и уважение заработал, и ребята полностью очень хорошо относились». «Здесь надо покинуть республику, чтобы как-то работать. Я в Пятигорске работаю». Любопытно, что представители ногайского населения связывают бо льшую успешность их выходцев в других российских регионах и меньшую – на своей родине с бо льшей распространенностью у их народа принципов индивидуализма: «И есть ребята, которые очень хорошо себя чувствуют в России, и которые не могут найти себе здесь применение, в разных сферах. <...> ребята молодые <...>, которые очень авторитетные на территории России, которые приезжают сюда летом, просто, и очень много вопросов могут решать здесь, что никто не может с ними тягаться. <...> Все идут диаспорами, кто-то пробивается, идут. У нас каждый лично. Каждый, который добился, он настолько стоит прочно на ногах, что его снять невозможно. У нас каждый добивается сам. Это удивительно. Просто другие народы, здесь, в быту, они с нами конкуренции не выдерживают, сколько раз по конкуренции они с нами проигрывают. А получают выше нас, потому что у них есть элита, возвращенная в советское время в коридорах Кремля, которая до сих пор... Вот и все. У нас нет элиты вот этой...».

²⁹ «Молодежь, которая у нас работала, на 90 % уехала... Но они приезжают [с севера] уже с другими понятиями: „Ты знаешь, брат, ты неправильно живешь...“. Нас государство задавило, а там им объяснили, что это надо против России воевать. <...> Они не в лесу там где-то были, они были на севере, на заработках...».

время ограничение стратегий миграции, позволяющих смягчить социальные последствия демографического роста, будет обострять конкуренцию за рабочие места на самом Северном Кавказе, и это будет усиливать внутренний конфликтный потенциал. Таким образом, анти-кавказская истерия вне региона может рикошетом существенно ухудшить ситуацию внутри него.

Урбанизация

Хотя урбанизация также является разновидностью миграции, а именно миграцией из села в город, ее особая значимость и в происходящих на Северном Кавказе трансформационных процессах, и в формировании конфликтного потенциала на данных территориях заставляет рассмотреть ее более подробно.

Миграция в города на Северном Кавказе имеет достаточно долгую историю. Характеризуя процессы, происходящие в Северо-Кавказском районе, авторы учебника «Экономическая география СССР» отмечали: «Внутри самого района миграционные потоки идут из сельских мест в города»³⁰. Так, в Дагестане «в 1950-х – начале 1990-х гг. наиболее характерными и значительными были миграции населения из сельской местности в города, особенно из глубинных и отдаленных горных сел и станиц»³¹. Доля городского населения в Дагестане выросла с 11,4 % в 1926 г. до 42,7 % в 1989 г.³². В северокавказские города в советское время переселялись не только жители сел. Туда ехали мигранты из других российских регионов. «В период индустриализации и культурной революции в Советской России происходили массовые миграции молодых русских в южные национальные окраины страны...»³³. Однако при этом уровень урбанизации на северокавказских территориях в советское время был существенно дифференцирован. Если в Ростовской области и в Северной Осетии доля городского населения в позднесоветский период составляла 71,4 % населения, то в Чечено-Ингушетии и Дагестане – соответственно 42,8 и 43,5 %³⁴.

В постсоветский период процессы урбанизации претерпели драматические перемены. К основным характеристикам данных процессов можно отнести:

- существенный отток из городов русского, а также местного образованного населения в 1990-е гг., замещение его «новыми кавказцами», часто с криминальным прошлым;
- массовое получение высшего образования в городах выходцами с сельских территорий с закреплением значительной их части в городе на постоянное место жительства;
- приток сельских мигрантов в город с целью получения работы;
- покупка в городах недвижимости обеспеченными сельскими жителями как способ сохранения сбережений и демонстративного потребления, а также как база для последующей миграции;
- активное развитие пригородов и формирование городских агломераций, особенно в регионах с ограниченной транспортной доступностью крупного города.

В первую очередь данные процессы были характерны для региональных столиц³⁵.

³⁰ Экономическая география СССР. С. 80.

³¹ Мудуев Ш. С. Особенности миграционных процессов в Дагестане.

³² Эльдаров Э. М. Динамика системы населения Дагестана в постсоветский период. С. 286.

³³ Эльдаров Э. М. Динамика системы населения Дагестана в постсоветский период. С. 275.

³⁴ Экономическая география СССР. С. 80.

³⁵ Один из наших собеседников эмоционально описывал непреодолимый тренд урбанизации: «Почему Махачкала задыхается? Она умирает. Тут не Амиров [мэр Махачкалы] виноват, не президент, не ЖКХ виновато. Потому что все стремятся в эту Махачкалу. <...> Отсюда с Дербента многие в Махачкалу стремятся уехать».

Конфликты, обусловливаемые процессом урбанизации, определяются постоянной борьбой двух связанных с ним тенденций: «село переваривает город» и «город переваривает село».

С одной стороны, городская культура в северокавказских республиках оказалась очень уязвима. Изначально небольшие размеры многих городов; деградация в постсоветский период видов деятельности, требующих высокой квалификации; отток образованной городской элиты привели к тому, что порождаемые городской средой модернизационные тенденции – индивидуализм, конкурентность в занятии должностей, многообразие социальных связей, возможности вертикальных лифтов в соответствии со способностями и талантами – на Северном Кавказе проявляются в еще меньшей степени, чем на остальной территории страны. Опрос студентов в Дагестанском государственном университете (г. Махачкала) показал, что более 40 % опрошенных считает основным способом трудоустройства связи, еще почти 15 % – связи и взятки. Связи наряду с теми или иными показателями спроса и предложения на рынке труда отметили еще примерно 23 % опрошенных. Данные, полученные в Кабардино-Балкарском государственном университете (г. Нальчик) принципиально не отличаются от дагестанских: соответственно 36,5 %, 13,6 %, 19 %³⁶. Достаточно яркую характеристику ситуации во Владикавказе дает респондент ингушской национальности: «Вариантов работать во Владикавказе практически нет. Есть, если у тебя мать осетинка или отец... Если у тебя хорошие связи, знакомые за тебя горой будут стоять. Или если ты очень хороший специалист. Такой специалист, что в Осетии не найти. Такого они, конечно, будут оберегать, таких они к себе будут подтягивать. А так – нет».

В этих условиях массовое получение высшего образования северокавказской молодежью создает завышенные ожидания, которым во многом не суждено сбыться. Ограниченность спроса на высококвалифицированную рабочую силу консервирует возможность максимально широкого использования личных связей при устройстве на работу. В то же время качество высшего образования в северокавказских вузах далеко не всегда соответствует требованиям работодателей. Разрыв между ожиданиями и действительностью порождает потенциал для конфликтов. Молодым людям часто приходится либо возвращаться к себе в село, где образование вообще оказывается ненужным, либо выезжать за пределы республик, где, как уже упоминалось выше, их поджидают свои конфликты и разочарования³⁷.

С другой стороны, городская среда существенно отличается от сельского социума, привычного для негородской молодежи. Рассмотрим институциональное воздействие города на выходцев из села на примере Махачкалы.

Потоки сельских мигрантов, приезжающих в Махачкалу на постоянное жительство, на учебу, на заработки приносят с собой элементы сельской традиционной культуры: стремятся селиться компактно, заключать браки «среди своих», иметь свою мечеть, монополизировать определенные виды деятельности, обеспечивать «вертикальные лифты» через членов своего

³⁶ Интигринова Т. Жизненные стратегии студенчества Северо-Кавказского региона: По результатам опроса студентов Дагестанского государственного и Кабардино-Балкарского государственных университетов, проведенных Т. Интигриновой и Н. Мироновой. Неопубликованный Итоговый аналитический отчет о проведении исследования по теме «Особенности формирования жизненных стратегий населения Северо-Кавказского федерального округа». РАНХиГС, 2011. С. 68–69.

³⁷ Вот как описывает эту ситуацию наш собеседник (ногаец) в рыболовецком поселке – пригороде Махачкалы: «Их мать дала им высшее образование, но работать-то негде, и все равно они идут в море работать. И зачем эти высшие образования, им здесь не нужны. Весь поселок молодежи с высшими образованиями в руках, но они там, где-то в сундуках, пылятся, эти дипломы. <...> Очень много образованных людей, и все уезжают, потому что здесь ничего нету. Реализовать не могут себя». А это диалог уже с представителями горного района (аварцами): «– Он [сын нашего собеседника] в месяц один-два дня, на субботу-воскресенье, сюда приезжает. И там на стройке работает. Что с образованием, что без образования... – С дипломом на черновых работах приходится работать. – Скажите, ребята с высшим образованием работают на черновых работах? – Да. – Вот смотри. Я здесь газ провожу, разводку делаю. У меня там работают трое с высшим образованием. Красят, делают земляные работы – вот чем они занимаются. – А когда ребята идут учиться в вузы, они понимают, что им потом придется работать на черновых работах? – Они надеются».

тухума³⁸ или односельчан, сохранять контакты с «малой родиной». И столь же неуклонно город разрушает подобные связи, размывает сельское единение. Родственные связи членов элиты дополняются или заменяются клиентами, которые формируются по принципу личной преданности и могут носить вполне интернациональный характер. Профессиональные сообщества становятся все более гетерогенными (например, знаменитая в Дагестане «лакская» обувь постепенно перестает быть лакской). Семейно-брачные связи выходят не только за рамки отдельных сел, но и отдельных этносов (хотя редко носят межконфессиональный характер). Все более популярно празднование свадеб не в родном селе, в соответствии с местными обычаями, а в Махачкале. При этом тенденции к сохранению сельской замкнутости в городе и к ее размыванию имеют различный результат применительно к разным сообществам и этническим группам.

Размывание традиционных связей может иметь своим итогом широко известный и достаточно опасный и для личности, и для социума «синдром городских мигрантов первого поколения», когда человек отрывается от традиционных социальных корней, не встроившись при этом в городскую культуру. Социальные проблемы, связанные с синдромом городских мигрантов первого поколения, хорошо изучены на примере различных стран. Так, характеризуя урбанизацию в СССР, А. Вишневский пишет: «Переселение крестьянина в город – классический пример маргинализации человека, источник множества синдромов социальной дезадаптации. <...> Маргинализировались целые поколения, десятки миллионов людей. С одной стороны, это не могло не привести к очень быстрому разрушению социокультурных стереотипов, вырабатывавшихся столетиями, к их забвению. Утрачивалась социальная память, а значит и та почва, на которой естественным образом вырастает многообразие индивидуальных культурных образов, передаваемых от родителей к детям, от старших к младшим. С другой же стороны, требование городской жизни – индивидуализация личности – плохо воспринималось поколениями, воспитанными на сельских принципах следования групповым стереотипам. Весь процесс социального наследования оказался дезорганизованным, общество – дезориентированным»³⁹.

Столь серьезный социальный сдвиг связан с тем, что сельское и городское общество построены на совершенно разных механизмах общественного контроля: «Новая подвижность богатства и новое разнообразие его форм означает и новую подвижность человека. Рыночная экономика позволяет разорвать прямые межличностные связи и заменить их связями опосредованными. Производитель и потребитель, которые прежде, как правило, лично знали друг друга, теперь могут никогда не встретиться – рынок и деньги свяжут их между собой. Это делает жизнь в городском сообществе анонимной, внешний надзор за каждым – невозможным. Теряют смысл прежние социальные регуляторы человеческого поведения, уходят в прошлое личная зависимость, „матрешечные“ средневековые социальные структуры, непосредственная цензура крестьянской общины или городского цеха, замысловатая иерархия статусов, сословные перегородки»⁴⁰.

Проблема кризиса социального регулирования, связанного с неэффективностью традиционных внешних регуляторов и отсутствием порождаемых городской средой внутренних регуляторов у мигрантов первого поколения в северокавказских городах, затрагивалась нами в работе «Северный Кавказ: модернизационный вызов». Эта проблема, к примеру, в глазах коренного жителя Махачкалы выглядит следующим образом: «Вот в селении, если ты вдруг что-то плохое сделаешь, любой старший может по башке дать. Это нормально. И

³⁸ Тухум – род, объединенный связями по мужской линии. От других родовых структур дагестанские тухумы отличаются тем, что не выходят за границы отдельных сообществ.

³⁹ Вишневский А. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 109.

⁴⁰ Вишневский А. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 23.

неважно, родственник или нет. Когда он [мигрант] приезжает в город, по башке уже никто не дает. Его не научили культуре, почему нельзя, например, девочку обижать. Не объяснили, почему нельзя девочку обижать, а просто по башке давали. А здесь он видит, что по башке никто не дает. Значит, можно обидеть девочку»⁴¹. Подобный вакуум социального регулирования предопределяет повышенный конфликтный потенциал, связанный с жизнедеятельностью данного слоя. Как показывает международный опыт, именно городские мигранты первого поколения часто становятся базой для радикальных, экстремистских течений, рассматривающих насилие как основной механизм разрешения общественных проблем.

Особый класс конфликтов порождается процессом формирования агломераций. Земли вокруг крупных городов приобретают особую ценность. В условиях неурегулированности вопросов земельной собственности, пересекающихся прав на землю, активного притока мигрантов здесь возникает целый комплекс противоречий с серьезным потенциалом их насильственного разрешения. Городские власти пытаются установить свой формальный и фактический контроль над этими землями, что также не обходится без конфликтов. Проживающие в пригородах сообщества теряют легитимные формы представительства в рамках местного самоуправления и вынуждены отстаивать свои интересы насильственным путем⁴².

Таким образом, в условиях активной урбанизации в северокавказских городах можно обнаружить по меньшей мере четыре долговременных фактора, формирующих конфликтный потенциал:

- 1) пересечение интересов власти и сообществ, старожилов и «пришлых» в борьбе за ресурсы в рамках агломерации, что во многом аналогично предпосылкам конфликтов, связанных с миграцией горцев на равнину, причем высокая стоимость подобных ресурсов делает конфликт еще более ожесточенным;
- 2) синдром мигрантов первого поколения;
- 3) ограничение вертикальных лифтов в соответствии со способностями и квалификацией в условиях системы продвижения, не связанной с личными заслугами (заметим, что лозунгом большинства социальных революций было открытие карьер талантам);
- 4) несоответствие социальных ожиданий выпускников вузов реальному уровню знаний и квалификации.

Есть ли шанс, что проблема, как и в случае с естественным приростом населения, в обозримом периоде времени рассосется сама и конфликтный потенциал постепенно сойдет на нет? Завершение демографического перехода в сельской местности будет способствовать движению в данном направлении. В то же время на настоящий момент существуют серьезные контртенденции, которые не позволяют делать однозначные выводы в данном вопросе. К ним можно отнести:

- неисчерпанность урбанизации, продолжающийся приток сельских мигрантов в город, стимулируемый в том числе и практически всеобщим стремлением к получению высшего образования;
- низкий спрос на квалифицированную рабочую силу, связанный с процессами разрушения экономики городов и малочисленности в них «точек роста», что поддерживает возможности сохранения традиционных механизмов «вертикальных лифтов»;

⁴¹ Северный Кавказ: модернизационный вызов. С. 248–249.

⁴² Приведу характерный диалог представителей двух дагестанских сообществ: «— Мы организовали. Он [назначенный глава местной администрации] через окно из кабинета убежал, когда мы митинг делали. Его поймали, привели... Три дня... ребята не пускали его на работу.— Хорошо, вы взяли его, выгнали. Джамаат [дагестанское название местного сообщества] — это народ. Но почему вместо него по велению этого джамаата не поставить: мы хотим, чтобы этот был. Пусть сидит он, работает.— До конца не довели мы там».

- отрицательный отбор, связанный с отъездом наиболее инициативных и квалифицированных горожан за пределы Северо-Кавказского региона.

1.2. Институциональная структура власти и общества: факторы конфликтности

Дисфункция государственных институтов

Пороки северокавказского общества: клановость, коррупция, казнокрадство как причины высокой конфликтности в регионе – одна из любимых тем не только журналистов, но и политиков. Президент РФ Д. А. Медведев так характеризовал значимость данных проблем: «Коррупция является преступлением в любом регионе, не только на Северном Кавказе. Только на Кавказе она приняла абсолютно угрожающий характер, она угрожает, по сути, национальной безопасности, ослабляет государственные, социальные институты. И, к сожалению, по сути, та коррупция, которая существует, является фактом прямого пособничества сепаратистам и убийцам, которые творят свои дела на территории Северо-Кавказского округа. Кроме того, и мне тоже об этом приходилось говорить, коррупция на Кавказе имеет еще одну специфику, отличающую ее от коррупции в России в целом, на других территориях нашей страны. Эта коррупция носит клановый характер, что, естественно, осложняет борьбу с ней»⁴³. Борьба с подобными негативными явлениями часто рассматривается в контексте изменения бюрократической культуры, противодействия злоупотреблениям «плохих» чиновников, усиления контроля за деятельностью управленцев и наказаний за неподобающие действия.

Между тем попытки проведения подобной политики в других странах, характеризующихся аналогичными проблемами, часто не давали ожидаемого эффекта, а иногда приводили и к существенному ухудшению ситуации. Исследователи развивающихся стран, в первую очередь подверженных аналогичным недугам, задались вопросом о причинах подобных провалов. Выяснилось, что корни проблем лежат гораздо глубже недобросовестности чиновников или продажности политиков. Можно выделить несколько актуальных для Северного Кавказа исследований данной проблематики.

В своей работе «Сильные общества и слабые государства»⁴⁴ Джоел Мигдал задался вопросом: почему подавляющее большинство стран, освободившихся от колониальной зависимости либо активного вмешательства западных государств в их жизнь, не смогли создать сильные государства и распространить свой социальный контроль на подавляющее большинство граждан, несмотря на значительный рост государственных расходов и государственного аппарата. Ответ оказался детерминирован структурой государственной власти в этих странах.

Лидеры подобных государств сталкивались с двумя типами проблем, связанных с социальным контролем, – наличием нескольких достаточно автономных «центров власти» (крупных правительственных агентств, обладающих значительным весом и ресурсами) в рамках центрального правительства и также достаточно автономных традиционных социальных структур со своими «вождями» и «правилами игры» на местах. Централизация социального контроля означала бы дальнейшее усиление «центров власти» на верхнем уровне управления, которые бы администрировали ресурсы и усиливали контроль над населением. Тем самым возникала угроза появления альтернативных фигур, достаточно сильных, чтобы

⁴³ Стенографический отчет о заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. 19 мая 2010 г. <http://kremlin.ru/transcripts/7792/work>.

⁴⁴ Migdal J. S. Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton; N.J.: Princeton University Press, 1988.

бросить вызов первому лицу. В этих условиях лидеры предпочитали мириться с сохранением социального контроля в руках местной элиты, с извращением централизованно проводимой политики исходя из ее интересов, но не плодить себе конкурентов.

Приоритеты сохранения власти также предопределяли расстановку на ключевые посты фигур с учетом возможностей доверия и подконтрольности (в том числе на основе родственных связей), а не на основе личных качеств и квалификации. Характеризуя политику назначения на высокие посты, Д. Мигдал отмечает, что задачей лидеров «было не просто создание бюрократии или военных структур, где было бы обеспечено представительство и пропорция различных этнических групп в государственных агентствах отражала бы пропорцию во всем обществе. Их задача не сводилась и к усилению государственной власти путем следования формальным организационным принципам в расширении проникновения государства [в общественные структуры]. Распределение постов, скорее, отражало лояльность определенных групп, угрозу со стороны других групп и важность отдельных государственных агентств. Лидеры государств направляли наиболее лояльные элементы, часто принадлежащие к тем же племенным или этническим группам, что и сам лидер, в такие организации, как вооруженные силы, потенциально несущие максимальную угрозу для государственных лидеров и осуществляющие наибольший контроль в обществе»⁴⁵.

Кроме того, для подобных режимов характерна регулярная ротация кадров на верхнем уровне управления, чтобы препятствовать установлению длительных и потенциально опасных для правителя связей внутри и между агентствами. Это неизбежно вносит сумятицу в проведение преобразований, дестимулирует непосредственных исполнителей центральной политики на местах и способствует их неформальным связям с местными элитами. Таким образом, фрагментация социального контроля на местах оказывается напрямую связанной с отсутствием консолидации власти в центре, а именно с наличием автономных центров власти, как в рамках государства, так и вне его (в среде крупного бизнеса).

Еще более глобальная модель государства была предложена известными американскими институционалистами Д. Нормом, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом в работе «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества»⁴⁶. По нашему мнению, все государства в мире можно разделить на естественные государства или порядки ограниченного доступа, и порядки открытого доступа, причем и в истории, и в современности доминируют порядки ограниченного доступа.

Отличительной характеристикой порядков ограниченного доступа является отсутствие у государства монополии на насилие, потенциал которого распределен между различными элитными группами. Тем самым задача государства – предотвратить фактическое применение насилия, дав этим элитным группам в качестве стимула доступ к ренте, носящей монопольный характер. Рента порождается за счет ограничения экономической и политической конкуренции, именно поэтому данный социальный порядок характеризуется как порядок ограниченного доступа. За предотвращение насилия естественные государства платят свою цену. По словам авторов, модель естественного государства характеризуется медленно растущими экономиками, чувствительными к потрясениям, и политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан. Кроме того, в ее рамках господствуют взаимоотношения, организованные с помощью личных связей, законы применяются не ко всем одинаково, права собственности не защищены⁴⁷. Но эта плата рассматривается как неизбежность. «Систематическое создание ренты с помощью ограниченного доступа в есте-

⁴⁵ Migdal J. S. Strong Societies and Weak States, p. 222.

⁴⁶ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

⁴⁷ Migdal J. S. Strong Societies and Weak States, p. 54.

ственном государстве – это не просто средство набить карманы членов господствующей коалиции; это также важнейшее средство контроля насилия»⁴⁸.

Норт и его коллеги выделяют несколько форм естественного государства. В хрупких естественных государствах дисперсия насилия среди элитных групп чрезвычайно высока, коалиция элит для распределения ренты весьма неустойчива, и неконтролируемые государством проявления насилия достаточно регулярны. Базисные естественные государства стабильнее, соглашения между элитными группами носят более долговременный характер. В то же время, в отличие от хрупких естественных государств, где отношения между элитными группировками максимально персонифицированы, базисные государства уже готовы частично институционализировать процесс принятия решений, предлагая стандартные выходы из периодически повторяющихся проблем. Однако базисные естественные государства способны обеспечивать относительную устойчивость взаимоотношений элит только в рамках государства. Зрелое естественное государство, способное сформировать предпосылки для перехода к порядкам открытого доступа, характеризуется устойчивыми внутренними институциональными структурами и способностью поддерживать организации элит, не имеющие тесной связи с государством. Здесь впервые появляются достаточно стабильные «правила игры», хотя бы в рамках элиты.

Сформировав свою модель на основе исторических исследований, Норт и его соавторы рассматривают ее как применимую и для современных развивающихся и посткоммунистических стран; соответствующие исследования уже начались. Между тем, по сравнению с анализируемыми историческими прецедентами, ситуация в современном мире претерпела весьма существенные изменения. Предпосылки модели явно должны быть модифицированы, по меньшей мере в том отношении, что разделение между элитой и обществом в целом перестало быть столь жестким, как оно было в прошлом. Это связано как с «идеологическими» факторами – массовая вера в божественность власти правителя в средние века сменилась почти столь же распространенной верой в право человека на свободное волеизъявление в рамках демократических механизмов; так и с реальным сокращением различий между элитой и другими слоями общества в результате широкого распространения образования, в том числе высшего, в неэлитных слоях населения.

В результате порядки ограниченного доступа стали еще более конфликтными, чем раньше. Если, по мнению авторов модели, в исследованных ими исторических примерах основные всплески насилия были связаны с конфликтами между элитными группами за раздел ренты, то теперь естественные государства способны не только предотвращать, но и порождать насилие в гораздо более разнообразных формах. Так, те слои населения, которые не подключены через свои элиты к разделу ренты или сами являются источником ренты, способны прожрать контрэлиты, также находящие доступ к потенциалу насилия и включающиеся в борьбу за рентные доходы. Глобализация во многих случаях укрепляет положение подобных контрэлит, дает им возможность найти источники финансирования, доступ к оружию за пределами страны. При этом данный процесс может быть многостадийным – кооптация представителей контрэлиты во власть без разделения рентных доходов с соответствующими группами населения ведет к тому, что эти группы порождают новые контрэлиты, также заинтересованные в использовании потенциала насилия в качестве инструмента воздействия на власть предрежащих. Государство оказывается перед непростой дилеммой: существенное расширение доступа к ренте ведет к эрозии ее основ и обостряет противоречия между элитными группами, тогда как ограничение доступа узким кругом «приблизженных» усиливает стимулы к применению насилия со стороны контрэлит. Чтобы успешно

⁴⁸ Migdal J. S. Strong Societies and Weak States, p. 62–63.

справиться с этим вызовом в рамках порядка ограниченного доступа, объем ренты должен быть чрезвычайно высоким.

Рассмотренные модели государства имеют прямое отношение к ситуации на Северном Кавказе. Попытаемся сформулировать несколько выводов, следующих из этих моделей, для понимания истоков конфликтов в северокавказских регионах.

Во-первых, и в той и в другой модели отсутствие правового государства, равенства граждан перед законом; искажение «правил игры» в угоду интересам отдельных личностей и социальных групп связываются с такими основополагающими характеристиками власти и общества, как фрагментация системы государственной власти; отсутствие монополии на насилие у государства, а также внутри самой системы государственной власти. Это не те факторы, которые могут быть быстро и эффективно преодолены по воле тех или иных лидеров. Это – та институциональная «колея» (зависимость последующего развития от предшествующего), из которой не многие страны нашли выход. Таким образом существуют серьезные объективные ограничения в борьбе против тех явлений, которые принято относить к злоупотреблениям властью со стороны отдельных чиновников или кланов. Отсюда не следует, что подобная борьба вообще не должна проводиться: индивидуальная ответственность представителей власти за свои действия все равно сохраняется. Однако нужно понимать, что в обозримый период в ней вряд ли будут достигнуты качественные прорывы. В результате накладываются существенные ограничения на предложения по мерам преодоления конфликтов: эти меры должны исходить из существующей институциональной структуры северокавказских обществ как данности и учитывать свойственную ей реакцию на любые изменения «правил игры».

Во-вторых, из данных моделей вытекает, что конфликты и насилие на Северном Кавказе на настоящий момент в определенной мере являются неизбежностью⁴⁹. Если исходить из классификации Норта и соавторов, северокавказские республики с определенной долей условности можно отнести к хрупким и базисным естественным государствам (последние – с угрозой регресса в хрупкие), т. е. к таким типам государств, где наибольшую роль играют личные связи, одинаковые для всех «правила игры» не получили существенного распространения, потенциал насилия рассредоточен и фактически используется для получения доступа к ренте и со стороны элит и со стороны контрэлит. Ограниченность круга элитных групп, имеющих доступ к ренте; отсутствие надежных механизмов диффузии ренты в неэлитные группы и слои – все это усиливает конфликтность в обществе, а также создает стимулы к использованию насилия в их разрешении.

В-третьих, на конфликтность в северокавказских республиках активно влияет характер ренты, получаемой элитой. Подобная рента включает доходы от монополизации распоряжения землей, от контроля над наиболее доходными предприятиями, от поборов с населения и бизнеса. Однако наиболее существенную ее часть формируют бюджетные дотации из федерального центра. Подобная ситуация оказывает существенное воздействие на формирование коалиции элит, механизмы распределения ренты, стимулы государственной власти. Так, в современных условиях естественные государства сталкиваются с еще одной сложной дилеммой: распределять ренту в пользу старых элитных групп либо в пользу тех групп, которые способны обеспечить экономическое развитие. В первом случае страна обрекается

⁴⁹ И это понимают даже те, кто рассматривает ее как основу всех бед в данном регионе: «Основа терроризма, и экстремизма, и безработицы, и всего того, что происходит, беззакония, она лежит на плоскости коррупции. Надо вести борьбу с коррупцией. А с кем? Вся власть замешана в ней, особенно в Дагестане. <...> Баланс такой, по краю лезвия ходят». «Сейчас тоже с кем бороться – все родственники, все свои, чужих же нету. Все свои». Показателен диалог нашей респондентки с вновь назначенным руководителем одной из северокавказских республик: «Все будет так, как в республике заведено, как в этих ваших кланах испокон веку ведется. Придет первый же ваш родственник, и вы ему ни в чем не откажете. <...> И я знаю, что это такие рельсы, с которых поезд не сойдет, потому что приварен накрепко колесами к этим рельсам».

на все большее отставание в глобальном мире, существующие источники ренты постепенно исчерпываются, а население в конце концов начинает насильственным образом проявлять недовольство ухудшением своей жизни по сравнению с более активно развивающимися соседями. Во втором случае государство может столкнуться с активным, в том числе насильственным, сопротивлением со стороны традиционных, имеющих значительный вес элитных групп.

В условиях когда основная часть ренты поступает извне, заинтересованность в поддержке обеспечивающих развитие элитных групп еще более ослабевает. Объем ренты, перспективы элитной коалиции, положение неэлитных групп в незначительной степени зависят от развития самих северокавказских республик и определяются в первую очередь решениями и ресурсами, поступающими из Москвы⁵⁰. Негативные последствия подобной ситуации многообразны, в частности:

- традиционные, не заинтересованные в развитии элитные группы не чувствуют угрозы эрозии ренты в связи с недостаточно активным экономическим ростом;
- обеспечивающие развитие экономики элитные группы не имеют конкурентных преимуществ, связанных с возникновением дополнительных источников ренты, перед традиционными;
- в обеспечении доступа к ренте повышается ценность традиционных связей, снижается роль квалификации, таланта, интеллекта.

В то же время такая ситуация, усиливая разрыв между властью и населением, не имеющим доступа к ренте и страдающим от отсутствия новых возможностей, порождает экономическим развитием, способствует усилению конфликтности. И не только непосредственно. Ощущая себя аутсайдерами, наиболее активные представители населения, в первую очередь контрэлиты, ищут другую «систему координат», альтернативные способы организации общественной жизни, не предполагающие оценки с точки зрения глобального мира. В результате создается благоприятная почва для возникновения конфликтующих систем ценностей, когда современные ценности демократии и развития отрицаются на основе их отождествления с теми злоупотреблениями власти, которые характерны для естественного государства в описанных условиях.

В *четвертых*, возрастанию конфликтного потенциала способствует то, что современная ситуация отсутствия правил игры и дисперсности насилия воспринимается как существенное ухудшение по сравнению с советскими временами. Дело в том, что Советский Союз представлял исключение среди естественных государств – в нем была обеспечена монополия на насилие. Для современных северокавказских республик такая ситуация не характерна. Кроме того, разрушение СССР привело к регрессу от базисных к хрупким порядкам ограниченного доступа на значительной части территории Северного Кавказа. И хотя нельзя утверждать, что в советское время на Северном Кавказе действовали четкие «правила игры» хотя бы в рамках государственного сектора⁵¹, некоторые возможности «вертикальных лифтов», не связанные с архаичными клановыми отношениями, судя по всему, существовали, особенно в городах. Теоретики конфликтов утверждают, что ухудшение положе-

⁵⁰ Интересно, что представители элит и контрэлит прекрасно понимают мотивацию власти в этих условиях: «Здесь нету экономики фактически. Почему нету? Потому что главы не заинтересованы. Если люди начнут зарабатывать, если они сами себя будут обеспечивать, <...> дотации прекратятся. Я, который зарабатываю, этот глава моими деньгами не может распоряжаться, как он хочет. А московскими деньгами он спокойно может распоряжаться, он может отпилить, откаты давать...»

⁵¹ Так, по имеющимся свидетельствам, уже в тот период (особенно в брежневскую эпоху) должность секретаря райкома нередко продавалась, а затем произведенные затраты компенсировались за счет назначения родственников кандидата и поддерживавших его финансово знакомых на прибыльные и статусные посты (см.: *Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. С. 320*).

ния людей (особенно если в предшествующий период оно улучшалось) оказывает гораздо более существенное воздействие на рост конфликтности, чем устойчиво плохое положение, даже если во втором случае в абсолютных значениях положение в конечной точке существенно хуже, чем в первом⁵².

Кризис системы регулирования традиционного общества

Традиционное общество на Северном Кавказе⁵³ оказалось гораздо более устойчивым, чем в большинстве других районов России. Можно выделить несколько причин возникновения подобной ситуации.

Во-первых, к моменту революции 1917 г. Северный Кавказ еще не был затронут тем кризисом патриархальных отношений, который был присущ многим русским губерниям уже в конце XIX в. и характеризовался как «бабий бунт», «падение авторитета родительского» и т. п.⁵⁴. Советская власть застала Кавказ и Среднюю Азию более традиционными, чем многие другие регионы, вошедшие в состав СССР.

Во-вторых, архаичный сельский социум был в гораздо меньшей степени разрушен процессами модернизации и индустриализации советского времени, чем в других российских регионах, и во многом сохранил способности воспроизводства традиционных институциональных механизмов. Воздействие советской власти на традиционный уклад было двояким. С одной стороны, советская система не вступала в принципиальный конфликт с основами традиционного общества, поскольку обе системы регулирования предполагали господство патерналистских отношений, иерархичность, подавление индивидуализма, включали клиентелистские и коррупционные механизмы. С другой стороны, Северный Кавказ не избежал насильственных преобразований со стороны советского государства: репрессий против религиозных деятелей, раскулачивания, принудительного обобществления земли и средств производства, даже депортации целых народов.

Конфликтный симбиоз данных тенденций приводил к различным результатам в зависимости от исходного характера общества на момент социалистической революции, от интенсивности внедрения советских социальных регуляторов, а также от воздействия миграционных процессов на состояние социума. Некоторые, в первую очередь горные сооб-

⁵² См.: Gurr T. R. Why Men Rebel. Princeton; N. J.: Princeton University Press, 1970; Davies J. C. Toward a theory of Revolution // When Men Revolt and Why. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 1997. По мнению Роберта Гурра, не так важно, что происходит в обществе, как соотношение происходящего с ожиданиями людей.

⁵³ Попытаюсь охарактеризовать модель традиционного общества на Северном Кавказе на примере Дагестана. Если судить по наиболее традиционным дагестанским селам, его основные черты можно свести к следующим:– сохранение высокой рождаемости, большие семьи;– заключение браков в рамках своего клана (тухума) или села, возможность близкородственных браков;– подчинение старшим, взаимная ответственность поколений в семье (родители должны обеспечить детей жильем и работой, дети – ухаживать за престарелыми родителями);– выбор супругов родителями;– высокая роль религии в регулировании всех сторон жизни;– значительное гендерное неравенство, ограничение мобильности девушек и женщин (девушки остаются в селе, не получают образования). Далеко не везде воспроизводятся все данные характеристики, но такие признаки, как подчинение старшим, несвобода в выборе супруга, высокая рождаемость, религиозность и неравноправное положение женщины, являются практически повсеместными и не зависят от этнической, конфессиональной и т. п. принадлежности. Вот наблюдение человека, среди предков которого были как азербайджанцы, так и казаки: «Никакой разницы в семейном укладе, одна разница: христиане, а это мусульмане. Один менталитет абсолютно. Причем казаки, они в семье даже больше может быть деспоты». А вот фрагменты двух разговоров, один – в лакском селе в Дагестане, другой – в казачьей станице в Карачаево-Черкесии. «Раньше девушкам не разрешали, родители религиозные многие были, им не разрешали выезжать за пределы села, даже не выдавали замуж в другие села, они были здесь, можно сказать, законсервированы что ли. <...> Это раньше хочет девушка выйти замуж за того, не хочет – раз родители хотят, выходит замуж. А сейчас нет. Ну, наверное, есть сейчас тоже, где-то есть, но почти ушло». «У нас даже понятия не было, чтобы на нерусской жениться. Это вообще было строго. В казачьем роду передавалось так: ты не выбираешь себе пару, а родители выбирают. И попробуй послушайся! Там строго так было, никогда не было такого, что я не буду, я не хочу. Рот на замок. Я и то воспитывалась так, что я старшим вообще никогда не перечила. Там уж молчи и подчиняйся, и все».

⁵⁴ См.: Вишневский А. Серп и рубль. Гл.4.

щества Восточного Кавказа, характеризующиеся значительной изоляцией от остального мира, смогли в существенной степени «переварить» советские регуляторы, воспроизвести в форме колхозов и совхозов во многом дореволюционную модель землепользования, сохранить влияние местных и религиозных традиций на общественную жизнь⁵⁵. «В некоторых горных селах советской власти не было никогда. <...> Колхоз как таковой не встал на ноги». Эрозия традиционных регуляторов в остальных сообществах варьировалась от их масштабного разрушения до частичного сохранения, хотя бы в памяти людей.

Различная степень проникновения советских стандартов жизни на разных северокавказских территориях хорошо видна из высказывания жителя одного из сел Кизлярского района (куда волнами шла миграция различных кавказских народностей), даргинца по национальности, по поводу новых мигрантов – аварцев из отдаленного Цунтинского района: «К концу 80-х появился один цунтинец, приехал учительствовать. Увидел обстановку: русские уходят, наши не успевают все выкупать. Начал постепенно подтягивать своих, из Цунтинского района людей из 5–6 сел. <...> Подход к жизни, к разным мероприятиям, увеселительным или же горестным, у них был очень неблизкий для остального населения. У нашего народа не было бога, была компартия. У нас были проводы в армию, свадьбы с фатой. А эти в платках черных. Они уже были с религиозным статусом. Первую мечеть в Косякино начали строить они, сразу после распада СССР. При СССР они собирались (молиться) у одного дома. Там выбрали одну комнату, очистили ее от мебели и там совершали пятничный намаз»⁵⁶.

Еще одна причина ограниченного внедрения советских регулятивных механизмов на Северном Кавказе была связана с широким распространением теневой экономики. Это определялось сельскохозяйственной и курортной специализацией региона, создающей благоприятные условия для реализации продукции личного подсобного хозяйства и кустарной промышленности вне официальных рамок плановой экономики. Как отмечает, например, Г. Дерлугьян, «обширная теневая экономика, сезонные трудовые миграции (шабашничество) и с 1960-х гг. ориентированное на потребительские рынки центральных областей СССР получающее приусадебное хозяйство обычно предлагали куда более высокие доходы...», чем, например, заработки в промышленности⁵⁷. Многие из этих видов экономической деятельности либо непосредственно базировались на традиционных семейных отношениях, либо успешно копировали заложенные в их основе социальные принципы, либо по меньшей мере не вступали с ними в прямое противоречие.

⁵⁵ Так, В. Бобровников следующим образом описывает ситуацию в двух селениях Цумадинского района (одного из отдаленных горных районов Дагестана) – Хуштаде и Кванаде: «Невзирая на репрессии против мусульман в 20-80-е годы XX в., хуштадинские алимы тайно учили арабскому языку и основам ислама не только детей своих односельчан, но и жителей окрестных деревень Цумадинского района. Хуштадинцы твердо держались своих общинных традиций, искусно маскируя их под навязанными им колхозными и советскими институтами. <...> В соседнем багулальском ауле Кванада бывшие частные поля даже не были обобществлены в 1939 г. Благодаря председателю местного колхоза лучшие крестьянские мульки [частные владения], расположенные на террасах ниже дороги из Кванады в Гимерсо, остались в пользовании их наследных владельцев как приусадебные участки колхозников» (Бобровников В. О. Эволюция социальных и поземельных традиций хуштадинского джамаата в XIX–XX веках // Дагестан: село Хуштада. М.: Институт востоковедения РАН, 1995. С. 48, 56–57. Другие исследователи также отмечали подчинение советских институтов институтам традиционного общества. В новой форме колхозов нередко сохранялось сельское самоуправление и традиции инвестирования в общинную инфраструктуру (дороги и мосты, колодцы и водопроводы, школы и народные кружки самодеятельности, кладбища и порою даже мечети)» (Дерлугьян Г. Исламский не-фактор на Северном Кавказе // Прогнозы. 2008. № 4 (16). С. 157–158. http://www.prognosis.ru/prog/2008-4_Prognosis.pdf). По наиболее радикальным оценкам в Чечне и Дагестане «около 70 % живут в традиционном обществе, с практически не изменившимся за годы советской власти укладом» (Добаев И. П., Мурклинская Г. А., Сухов А. В., Ханбабаев К. М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе / под ред. И. П. Добаева. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. С. 47).

⁵⁶ Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: Регнум. 2012. С. 69.

⁵⁷ Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. С. 353.

В-третьих, жесткий кризис, связанный с распадом советской системы и войной в Чечне, привел к возрождению традиционных регуляторов даже там, где они были существенно подорваны. Этому было несколько причин.

В целом укрепление более локальных, традиционных связей является естественной реакцией общества на распад прежней системы регулирования, поскольку «рушились прежде централизованные структуры, объединявшие людей и создававшие связи за пределами круга личного общения или местно-этнического происхождения»⁵⁸. Вакуум регулирования заполнялся тем, что исторически было присуще данным сообществам и еще не полностью стерлось из памяти людей. Национальные, общинные, исламские традиции занимали место регуляторов советского времени⁵⁹.

Кроме того, наибольшим разрушениям после распада советской системы на Северном Кавказе подверглась именно городская среда – основной проводник модернизационных тенденций. Именно на городские сообщества, характеризовавшиеся смешанным национальным составом; формирующимися на новой основе социальными сетями; большей, чем в сельской местности, ролью образования и квалификации для карьерного продвижения, советская модернизация оказала наибольшее влияние⁶⁰. Деграция подобных модернизационных центров не могла не повлиять самым негативным образом на ситуацию в обществе.

Тем не менее состояние традиционной системы регулирования именно в постсоветский период можно характеризовать как глубоко кризисное. Те процессы, которые в подавляющем большинстве других регионов, во всяком случае в составе России, в основном проходили с конца XIX до середины XX вв., активизировались на Северном Кавказе именно в последние десятилетия. Этому способствуют несколько основных факторов, в том числе:

- развитие рыночных отношений, приводящее к изменению системы ценностей, предпочтений, статусов и рангов в обществе⁶¹;
- активизация миграционных процессов, в том числе урбанизация⁶²;
- воздействие процессов глобализации на формирование потребительских стандартов, системы ценностей, жизненных стратегий⁶³;

⁵⁸ Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. С. 499.

⁵⁹ «Вы говорите, сегодня в мечети собираются. Это старые традиции, когда общественным путем, народом разрешалось. Это было своего рода местное самоуправление вообще-то. Они пришли к тому, когда власти нету, тогда были мечети, и все там решалось. И автоматически пришли в мечеть... Власть, когда буксует и когда не срабатывает, вот и образовывается мечеть. А где им собираться кроме как в мечети?». «Всюду, где есть проблемы в системе государственного закона, и государство не решает эти проблемы, они решаются и будут решаться через традиционные религиозные... обычаи». Что интересно, нормативные акты советского времени в северокавказских республиках, наряду с традицией, часто воспринимаются как источник легитимности тех или иных действий.

⁶⁰ Как отмечал, например, Г. Дерлугьян, советская общественная трансформация «воплотилась прежде всего в городах с их новой материальной средой обитания, социальными практиками труда, потребления и досуга, принципиально новыми статусными различиями и жизненными стратегиями» (Дерлугьян Г. Исламский не-фактор на Северном Кавказе. С. 158).

⁶¹ Сельская учительница в горном селе вспоминает, что раньше при выборе супруга было важно, кто из какого тухума. Девушку могли не выдать за парня, если ее тухум «выше стоял, чем тот тухум... Или морально, или материально, или еще что-то у них, происхождение какое-то было особое. <...> Сейчас стало не важно. У кого квартира, у кого машина, много денег сейчас. Даже в школе девочки, они <...> говорят, надо искать хорошего жениха. Все смешалось. <...> Но молодые тоже поумнели же. Им же тоже и машина нужна, и квартира нужна, и работа, и муж нужен непьющий, некурящий. Они тоже сейчас не дураки».

⁶² Вот несколько комментариев на эту тему из разных северокавказских регионов, пронизанных ностальгией по традиционным ценностям. «Здесь дети когда растут, это одно: они знают, как относиться к старшим, к младшим, как себя вести, знают обычаи более или менее. Те ребята, которые вырастают <...> на северах <...> это становится общекавказским быдлом... Без нормального языка, без обычаев, без уважения к старшим». «В городе есть такое: <...> там за детей надо беспокоиться, здесь уже как-то спокойнее. В городе сброд. <...> Смотри, сейчас, если взять возраст двадцать пять – тридцать – тридцать два года <...> этот возраст не курит и не пьет в селах, а в городе они в основном наркоманят».

⁶³ «Раньше если ты видел здоровую девушку, как говорят, „кровь с молоком“, ты мог сразу сказать: „вот, это сельская, приученная к работе“. А сейчас они все ложатся спать – Дом-2, Одноклассники, или “ой, замуж вышла новая принцесса английская за этого принца”. Вот об этом обсуждают – шляпки, тряпки». Но некоторые считают, что глобализация имеет гораздо более серьезные негативные воздействия на ситуацию на Северном Кавказе: «Навязываемые рекламой и сред-

- деградация ряда сельских сообществ, их неспособность осуществлять регулирующие функции⁶⁴.

Причем некоторые факторы могут действовать одновременно в разных направлениях. Так, постсоветский трансформационный кризис одновременно и подталкивал к возрождению и укреплению локальных, традиционных связей, и впервые за длительное время открывал страну миру, делал доступным всю гамму различных культур, идеологий, мировоззрений.

Одним из важнейших проявлений кризиса традиционного общества стала легитимация конфликта поколений. Формы данного конфликта могут быть самыми разными: от достаточно невинных (мать хочет праздновать свадьбу дочери в родном селе, дочь настаивает на Махачкале, а поскольку выходит замуж за человека другой национальности, матери настоять на своем достаточно сложно) до весьма серьезных (конфликты между старыми и молодыми имамами на многих северокавказских территориях). Однако очевидно, что многие принципиально важные конфликты на Северном Кавказе, в том числе принимающие насильственные формы, в настоящее время выступают в формате конфликта поколений⁶⁵.

Реакция общества на кризис регулирования и связанные с этим конфликты

В условиях когда фактически параллельно происходил распад и советской, и традиционной систем регулирования, в обществе образовался институциональный вакуум, который достаточно бессистемно заполнялся фрагментированными и часто противоречащими друг другу регулятивными механизмами. Особенно явно данный процесс проявлялся в тех республиках, которые после распада СССР приобрели черты хрупкого естественного государства⁶⁶. Какие-то элементы регулирования пришли из криминального мира и мира теневой экономики, какие-то – воспроизвели черты традиционного общества, какие-то – привнесены всплеском национальных движений 1990-х гг. В определенной мере, хотя и достаточно

ствами массовой информации высокие и заведомо недостижимые стандарты потребления в страдающем от безработицы и прочих острых социальных проблем регионе питают протестные настроения прежде всего среди молодежи» (*Шевченко К., Текушев И.* Ислам на Северном Кавказе: Орудие возрождения традиций или инструмент конституирования новой социокультурной реальности? // Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Прага, Medium Orient, 2011. С. 6).

⁶⁴ Вот картина жизни казачьей станицы, где еще поколение назад были крепкие традиционные устои: «Ведь у нас разъехались мужья <...> куда только можно: и Север, и Сибирь, и Сочи, и куда угодно. А семьи-то распались. Бывает по три месяца не приезжают, бывает, по месяцу не приезжают. Женщина сидит без денег, детей кормить нечем, в школу отправлять одеть-обуть нечего. Начинают пить, начинают гулять. Приезжают [мужья] – мордобой, разводы, убийства. <...> Мать уехала на заработки. Муж уехал, пропал, а она оставила четверых детей. Старшая девочка дошла до того, что комбикорм заваривают, едят... И никому дела нет. <...> Мы пытаемся хоть как-то сейчас веру в людей вдохнуть, чтобы возвращение было к вероисповеданию, к нормальным христианским укладам жизни, чтобы жили не просто пьянством и распутством, а пришли к памяти, отрезвели».

⁶⁵ На самом деле ситуация, судя по всему, действительно очень напоминает кризис традиционного общества в России конца XIX в. А. Вишневский так характеризовал российские реалии этого периода: «И „бабий бунт“, и непокорность детей, и умножающиеся семейные разделы – все говорило о падении веса вековых заповедей семейной жизни, об усиливающемся ее разладе. <...> Разлад нарастал в деревне, в городе же он и подавно был неминуем, обозначился раньше и породил более развитые формы рефлексии». (Вопрос о том, почему на Кавказе кризис традиционного общества проявился, в первую очередь, именно в конфликте поколений, а не в «бабьем бунте», требует дополнительного анализа). И цитирует Н. Бердяева: «С формами семьи связана была тирания, еще более страшная, чем тирания, связанная с формами государства. Иерархически организованная, авторитарная семья истязает и калечит человеческую личность. И эмансипационное движение, направленное против таких форм семьи..., есть борьба за достоинство человеческой личности...» (*Вишневский А.* Серп и рубль. С. 133).

⁶⁶ Вот достаточно эмоциональное описание сложившейся в этих случаях ситуации: «Государство лежало набоку, издавало, издавало запахи неприятные. <...> не было государственного криминала, потому что государства как такового тогда не было».

искаженно и избирательно⁶⁷, действует российское законодательство, региональные правовые нормы. Так, местные сообщества часто используют правила, которые обычно представляют собой смесь местных обычаев и религиозных исламских норм (адатов⁶⁸ и шариата) для регулирования норм жизни, земельных и других имущественных отношений, для разрешения конфликтов. Апелляция к нормам российского права при этом может быть достаточно ограниченной. Подобные регулятивные механизмы в большей мере характерны для восточной части Северного Кавказа.

Конфликтный потенциал подобной ситуации проявляется в двух основных формах.

С одной стороны, некоторые регулятивные механизмы несут в себе потенциал насилия, связанный с защитой членов той или иной «корпорации» от давления со стороны других элитных групп, что необходимо для поддержания относительно устойчивых условий хозяйственной деятельности. Так, национальные объединения во многом действуют как лоббирующие организации, своими политическими связями и протестной активностью защищающие национальные интересы и национальный бизнес от хищнических действий власти. Следующую цитату можно рассматривать как «кредо» подобных организаций: «Здесь если хочешь жить, за свою жизнь надо бороться, показать, митинговать, трассу закрывать, что-то делать, тогда на тебя обратят внимание, и там говорят, „год их не трогайте“, вот такое положение»⁶⁹.

С другой стороны, в условиях фрагментации социального контроля возникает ситуация «конкуренции юрисдикций»⁷⁰, которая часто характеризуется высокой степенью конфликтности. Так, в Республике Дагестан альтернативные российскому законодательству нормы более или менее успешно реализуются при регулировании земельных отношений, если:

- их инфорсмент ограничивается рамками одного местного сообщества (джамаата), сохранившего достаточно сильные исторические традиции регулирования жизни своих членов;
- ценность ресурсов, в отношении которых осуществляется регулирование, не очень высока⁷¹.

⁶⁷ Авторы своими глазами видели судебные документы в деле о споре за землю двух арендаторов, где фактически доказанный факт дачи взятки одним из них трактовался как подтверждение выплаты арендной платы, которая просто не была внесена в кассу, что считалось подтверждением легитимности его притязаний на землю. При этом дело рассматривалось в суде республиканской инстанции.

⁶⁸ Адат – право, основанное на обычаях.

⁶⁹ Но подобные эффекты достаточно кратковременны: «тогда правительство навстречу пошло, этот конфликт умяли. Оставили чуть-чуть послабления... И опять в этом году, опять прижимают сейчас».

⁷⁰ Ситуация «конкуренции юрисдикций» применительно к Республике Дагестан проанализирована, например, Расулом Кадиевым (см.: Аналитическая справка юриста о правовой ситуации в Дагестане // Фронтир. 2010. Март. С. 34–41). Этнографы в основном используют другие термины для характеристики данной ситуации – правовой плюрализм или полиюридизм – обосновывая наличие подобного явления на Кавказе в течение длительного времени, по крайней мере с момента завоевания Кавказа Россией. Тем не менее представляется, что термин «конкуренция юрисдикций» в данном случае лучше характеризует характер взаимоотношений между разными правовыми системами. Иногда такая ситуация проявлялась даже в разговоре с респондентами (речь шла о земельном конфликте между равнинными жителями и выходцами с гор): «— Они тоже мусульмане же, мы тоже мусульмане. По исламу запрещено же пойти в чужой дом. <...> Здесь Духовное управление это не объясняет. <...> Не объясняет, что харам [грех] лезть в чужую землю.— Ты пойми одно, политика – одна вещь, религия – другая вещь. <...> Мы в светском государстве живем, светские законы выполняем».

⁷¹ Вот пример проведения земельной реформы в одном из сел Унцукульского района, демонстрирующий, как происходит трансформация отношений из одной юрисдикции в другую. Впрочем, он также показывает, что даже на уровне достаточно традиционного джамаата в распределении земель не все происходило гладко: «Есть дедовские земли, которые по наследству, а были и общие земли. <...> После этого, когда распределили, начал каждый свои дедовские земли... Так получилось, что у одних пять соток, а у других двадцать пять – тридцать. Часть совхозных земель, которые были, тоже были распределены. Вот так сейчас не равное количество получилось у нас. <...> Ну, по закону, где у нас по приказу туда-сюда: двадцать соток каждому... Передавали. Вот я говорю, земли моего дедушки попали к тебе, уступи мне эти земли, дорогой товарищ. <...> После получения этих земель несколько лет они тоже были заброшены, вот сейчас люди как-то начали что-

Однако в тех случаях, когда подобным образом пытаются регулировать отношения между разными сообществами, возникает гораздо больше проблем, и «конкуренция юрисдикций» далеко не всегда позволяет однозначно разрешить возникающие конфликтные ситуации. Каждая из сторон конфликта стремится опираться не столько на ту юрисдикцию, которая в большей мере вытекает из культурных и исторических предпосылок, сколько на ту, которая в наибольшей степени соответствует ее интересам. Так, в ходе земельных конфликтов между равнинными и горными народами к их разрешению неоднократно пытались подключить старейшин, имамов и других уважаемых членов конфликтующих общин. Однако это далеко не всегда приводило к позитивным результатам. В интервью неоднократно приводились примеры, когда, даже если в мечети коренные жители равнины не давали «добро» (халяль) на использование своей земли мигрантами, что по шариату означало греховность занятия этой земли, переселенцы с гор игнорировали данный запрет и все равно заселяли территорию, на которую они не получили религиозного благословения, но могли претендовать в соответствии с республиканскими решениями⁷². «Религиозный фактор здесь <...> играет инструментальную роль: когда удобно, она используется, когда нет – нет».

Аналогичные проблемы возникают и внутри местных сообществ в том случае, когда земля представляет значительную хозяйственную ценность. Например, по имеющейся информации, в Акушинском и Левашинском районах были случаи перераспределения земель сменяющимися друг друга главами районов на основе различных юрисдикций: то на основе обычного права («по предкам»), то на основе российского законодательства. Естественно, подобная политика вызывает серьезные конфликты внутри сообществ.

Еще одним типичным примером конкуренции юрисдикций являются попытки распоряжения землями, формально с точки зрения российского законодательства считающимися свободными, но реально используемыми местными жителями в соответствии с локальными нормами для индивидуальной или коллективной хозяйственной деятельности. Подобные земли могут передаваться крупному инвестору, использоваться для строительства объектов инфраструктуры и т. п., что вызывает серьезные противоречия с местным населением.

Особым случаем фрагментации системы регулирования являются территории, которые можно назвать закрытыми. Они существуют, например, в Республике Дагестан. Это наиболее традиционные села, которые фактически полностью стремятся жить на основе внутренних регулятивных норм и минимизируют воздействие «внешнего мира» на внутреннюю систему социального контроля. Именно для подобных территорий до сих пор характерны близкородственные браки, фактический запрет на браки с представителями других территорий, существенная дифференциация образовательных стратегий юношей и девушек (девушки получают минимальное образование и в основном не выезжают из села для учебы в высших учебных заведениях), максимальное доминирование религиозных норм жизни. Часть подобных «закрытых сообществ» являются депрессивными, часть относится к экономически успешным⁷³ (в первую очередь это даргинские села, имеющие давние традиции развития теневой экономики).

то делать. <...> Не, ну, документов, конечно, нету. Есть в Дагестане села, которые эти дедовские законы оставили в стороне и распределили поровну между собой. <...> А наши, дедушки земли, особенно где граничат, тоже не знают. Кто наглее, больше схватывает, а кто молчит, тому меньше достается».

⁷² «Это партрокираты раздали [землю], а по законам ислама на чужой мусульманской земле ты без [разрешения] не имеешь права заходить. Когда <...> Цумадинский, Цунтинский район переселяли, <...> они сказали – не пойдем <...> Старики собрались. Мы, говорят, в Чечню не пойдем, грех нам, Аллах накажет, это не наша земля. Тогда у стариков такое понятие было. Сейчас же нету этого понятия».

⁷³ Вот характеристика подобных сел, данная нашим собеседником из Дагестана: «Жители... отличаются таким, я бы сказал, протестантским мышлением. У них главное труд, труд, труд, имущество..., надо жить богато, нормальный человек должен иметь много денег. <...> Народ очень трудолюбивый. <...> „Если ты умный, почему ты бедный?“ – это чисто про жителей этих сел».

Судя по всему, в значительной степени подобная стратегия является следствием не только особенностей исторического развития данных сообществ, но и стремления «отгородиться» от существующего вокруг институционального хаоса, что подтверждают как сочувствующие подобным попыткам, так и их оппоненты. «Там никакого ни спирта не продается абсолютно, <...> поддерживают там полный порядок. Если дело государство не делает, <...> как будто бесхозный в пустыне народ... Ну делайте вы тогда. Если можете – делайте, если вы не можете, то народ сам делает... Им ни отсюда, ни оттуда ни помощи нету, ни закона нету, ни порядка, они сами... [На территориях этих сообществ] какой бы ни был закон, есть закон, и людям нравится, и порядок там есть, и покой есть». «Те, кто занимался идеологией, они вовсе говорили, что ничего плохого в этом [установлении норм шариата] нет, что они ограничивают наркоманию, ограничивают алкоголь, всякое воровство. Это действительно, с этим борьба была. Но эта борьба не велась за пределами села».

И все же устойчивость подобных «закрытых территорий», как показывает практика, все равно оказывается под угрозой. Именно в их рамках конфликт поколений принимает наиболее острые, насильственные формы религиозного внутрисемейного, межпоколенческого противостояния, когда сын идет на отца, брат на брата. Именно на подобных территориях, в первую очередь среди молодого поколения, появились те, кого стали называть ваххабитами. До сих пор многие из этих сел являются активными центрами вооруженного подполья. Вот как описывает Энвер Кисриев ситуацию в одном из селений Кадарской зоны, вошедших в так называемый шариатский анклав в Дагестане (подробнее об этом см. в главе 4): «Ситуация стала проблемной в конце 1994 – начале 1995 г. К этому времени население Карамахи разделилось „на два враждующих лагеря, когда сын готов был убить отца, если тот не перейдет к ваххабитам, когда брат пошел на брата“». <...> В конфликт втягивались, становясь на ту и иную сторону, также и представители власти»⁷⁴. И еще одна зарисовка подобной ситуации: «Это разделение пошло даже на внутрисемейном уровне. Был эпизод, когда старика пришла толпа линчевать, бить цепями, во главе с его сыном. <...> Некоторые под страхом, некоторые под угрозой побоев, некоторые <...> поняв, что за ними теперь сила, они переходили на их [ваххабитов] сторону».

Причины того, что религиозный раскол оказывается столь глубоким именно в закрытых сообществах, требуют дополнительного исследования. Наверное, неправильно было бы все сводить только к последствиям войны в Чечне, хотя многие из молодого поколения этих сел именно там получили боевую подготовку. Представляется, что более общей причиной являются специфические условия протекания в подобных случаях межпоколенческого конфликта. С одной стороны, несмотря на глубокую традиционность подобных сообществ, межпоколенческий конфликт во многих случаях оказался легитимизирован, чему немало способствовали как возникшая после распада СССР открытость внешнему, в том числе мусульманскому, миру, так и война в Чечне⁷⁵. С другой стороны, формы его проявления оказались достаточно жестко ограничены. Усиление религиозности как таковой не могло стать формой данного конфликта в условиях, когда подобная религиозность была характерна уже и для старшего поколения. При этом светские, демократические, националистические идеологии были достаточно чужды для во многом сохраняющего свою традиционность сознания молодежи и, кроме того, ассоциировались с тем разложением государственных институтов, которое произошло в постсоветский период. Необходимо также учитывать, что применительно к рассматриваемым сообществам демографический переход

⁷⁴ Кисриев Э. Ф. *Ислам в Дагестане*. М.: ОГИ, 2004. С.91.

⁷⁵ В то же время есть примеры сообществ, в том числе и не только в Рес публике Дагестан, которые можно отнести к категории закрытых, но в которых межпоколенческий конфликт все еще не легитимизирован. Для них рассматриваемые религиозные проблемы не характерны.

далек от завершения, тем самым насильственные способы разрешения конфликтов вполне соответствуют их институциональным характеристикам.

1.3. Конфликты и «замкнутый круг насилия»

Исследователи конфликтов вполне справедливо утверждают, что причины возникновения и причины сохранения конфликтов могут быть различны⁷⁶. Среди последних наиболее часто анализируют то, что получило в научной литературе название «замкнутого круга насилия» или «спирали насилия», когда в ходе конфликта насилие порождает насилие.

Известны случаи, когда насильственные конфликты продолжались даже тогда, когда одна из сторон делала принципиальные шаги по выполнению условий другой стороны. Так, после окончания франкистского режима демократическое правительство Испании предоставило широкую автономию так называемой Стране Басков, за независимость которой боролись баскские сепаратисты. Тем не менее все реформы властей были объявлены сепаратистами обманом и террористическая деятельность продолжалась⁷⁷.

Есть также примеры того, как конфликты полностью истощали силы одной из сторон, и продолжение противостояния противоречило интересам практически всех слоев населения. Так, к началу 2000-х гг. борьба «Тигров освобождения Тамил-Илама» в Шри-Ланке привела к истощению ресурсов тамильского этноса в результате тяжелейшего экономического положения, массовой миграции за пределы Шри-Ланки и значительных человеческих потерь. Однако насильственные действия продолжались⁷⁸.

Инерционность процессов насилия связана с двумя основными факторами.

В научной литературе обычно обращается внимание на первый из них. «Люди не становятся убийцами в одночасье. Для этого требуется эмоциональная брутализация, мотивируемая страхом за себя, мстью за своих и дегуманизацией образа противника, к которому перестают применяться человеческие нормы»⁷⁹. Но, когда данные факторы начинают действовать, причем и с той и с другой стороны конфликта, они несут во многом самоподдерживающийся характер. Каждый акт насилия порождает новые жертвы, новых мучеников, новые поводы для ненависти и мести хотя бы с одной, а обычно и с обеих сторон, противостояния. Это как усиливает мотивацию к продолжению насилия со стороны тех, кто уже втянут в конфликт, так и способствует включению в его орбиту новых людей.

Разрастание конфликта происходит параллельно с ужесточением форм его проявления, поскольку длительно существующий конфликт порождает такой феномен, как «культура насилия». Насильственные действия как таковые (независимо от исходных причин конфликта) все более легитимизируются и становятся все менее избирательными⁸⁰.

Кроме того, когда в конфликт уже вложены значительные силы и средства, его прекращение как бы обесценивает все прошлые издержки и жертвы его участников. Сохранение же конфликта позволяет придать смысл прошлой деятельности в его рамках, продолжая ее в

⁷⁶ См.: Bjorgo T. Conclusions // Root Causes of Terrorism: Myths, reality and ways forward – Routledge, 2007, p. 260–261.

⁷⁷ Political Violence in a Democratic State: Basque Terrorism in Spain // Terrorism in Context/Edited by Martha Crenshaw. – Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press University Park, 1995.

⁷⁸ Root causes of terrorism?: A case study of the Tamil insurgency and the LTTE // Root Causes of Terrorism.

⁷⁹ Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. С. 39–40.

⁸⁰ Вот один из примеров легитимизации «культуры насилия»: «Во время первой чеченской кампании в среде боевиков существовали определенные религиозные авторитеты, которые не давали разрешения на убийства священнослужителей. Однако новобранцы, влившись в ряды боевиков, сами решают, кого приговаривать к смерти, а кого помиловать. И сегодня уже речь идет не только о религиозном противостоянии – приверженцы радикального ислама против тех, кто придерживается традиционных взглядов на ислам. Речь идет о том, что в горячих республиках Северного Кавказа уже практически не стало неприкосновенных зон. То есть нет никаких ограничений. Если раньше боевики совершали теракты в основном против военных, милиционеров и чиновников, то сегодня все больше их жертвами становятся бизнесмены, проститутки, игорные дома, религиозные деятели, главы администраций и случайные прохожие» (Шевченко К., Текушев И. Ислам на Северном Кавказе: Орудие возрождения традиций или инструмент конституирования новой социокультурной реальности? // Ислам на Северном Кавказе. С. 147).

будущем. И эти факторы могут с какого-то момента играть более важную роль в конфликте, чем изначальные ценностные различия, противостояние интересов или борьба за ресурсы.

Однако инерционность насилия имеет под собой и более материальные основания. Вокруг конфликта складывается система интересов, направленная на получение ренты от конфликта. Эта рента может носить финансовый или символический характер, присваиваться как частями властной элиты, так и контрэлитами⁸¹. Использование конфликта как актива⁸² происходит в различных формах, в том числе:

- обеспечение консолидации власти и общества в противостоянии другой стороне конфликта, способствующее монополизации власти определенной элитной группировкой;
- повышение роли и значимости структур, ответственных за борьбу с противной стороной конфликта (силовых структур, региональных властей и т. п.), объема направляемых на их поддержание ресурсов⁸³;
- получение прибыли от незаконных операций, связанных с обеспечением насильственного конфликта оружием, живой силой и другими ресурсами;
- получение прибыли от незаконных операций, связанных с дезорганизацией системы контроля и регулирования на территориях, втянутых в конфликт⁸⁴;
- возможность под видом борьбы с противоположной стороной конфликта решать проблемы и обеспечивать интересы отдельных властных элитных групп;
- возможность использовать ресурсы противоположной стороны конфликта для решения проблем и обеспечения интересов отдельных властных элитных групп (как будет показано в последующих главах, такие случаи тоже нередки);
- возможность списывать собственные, не имеющие отношения к конфликту, провалы власти на другую сторону конфликта⁸⁵.

Чем дольше продолжается конфликт, тем больше, при прочих равных условиях, усиливаются и укореняются интересы, связанные с получением ренты от конфликта.

Фактор использования конфликта как актива со стороны властных элит не только в их противостоянии друг другу, но и в противостоянии третьей стороне, существенно усложняет и модифицирует рассмотренную выше модель государства Д. Норта и его соавторов. В условиях порядка ограниченного доступа властные элиты не только, как это уже демонстрировалось выше, порождают насилие за счет тех же действий, какими стремятся его нивелировать, но и далеко не во всех случаях стремятся к максимальному снижению потенциала

⁸¹ «Этой власти выгодно, чтобы людей держать в напряжении, им выгодно, чтобы Москву держать в напряжении».

⁸² Проблема использования конфликта как актива на Северном Кавказе впервые всерьез поставлена Денисом Соколовым. См.: Соколов Д. Кавказ. Конфликт как актив // Ведомости. 2009. 15 декабря.

⁸³ Судя по всему, шантаж федеральных властей со стороны северокавказских элит угрозой обострения конфликтов для получения дополнительных прав и ресурсов – явление не новое. Ю. Карпов и Е. Капустина в монографии «Горцы после гор» приводят следующие факты, относящиеся к 1924 г.: «Руководители республики [имеется в виду Дагестан] настаивали на том, что „только Центр, с его мировым масштабом, может понять, что, оказывая помощь Дагестану за счет других районов, он платит издержки мировой революции по распространению ее на Ближний Восток“. Руководители ДАССР отмечали, что в случае подчинения Дагестана Юго-Восточному (позднее – Северо-Кавказскому) краю и отторжению от республики недавно присоединенных к ней территорий вероятно «падение влияния компартии и усиление за счет этого национализма, мюридизма и тюркофильских тенденций», а также рост политического и иного бандитизма, а «волнение в Дагестане – это перерыв железнодорожного сообщения России с Закавказьем» (Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. С. 66–67).

⁸⁴ Коммерциализация конфликта, превращение его в бизнес, причем и с той и с другой стороны, не является секретом для жителей северокавказских республик. «Честно говоря, здесь спецслужб нет, это коммерсанты». «У них [ваххабитов] религии как таковой нету вообще. Это ширма, понимаете... Ихняя цель – это деньги, другого у них нет».

⁸⁵ В Дагестане нам с горькой иронией говорили, что нужно поставить памятник «неизвестному ваххабиту» – на него все можно списать.

насилия в обществе. Скорее, они заинтересованы поддерживать насилие на подконтрольном им уровне, получая от этого максимально возможную ренту.

Особая проблема – это влияние исторического опыта насилия в отношении тех или иных общностей Северного Кавказа на современные конфликты. И в царские, и в советские времена северокавказские народы испытали достаточно много насильственных действий со стороны властей – кровопролитные войны, депортации, насильственная ассимиляция и т. п. Можно ли считать, что «замкнутый круг насилия» продолжается с тех времен? В самом регионе часто можно услышать, что чуть ли ни все конфликты определяются исторической несправедливостью в отношении тех или иных народов, местных сообществ и т. п. С одной стороны, к подобным оценкам надо относиться с осторожностью. Реанимация исторических аргументов, далеко не всегда поддающихся однозначной интерпретации, – это обычно способ усиления позиции для достижения вполне современных интересов. С другой стороны, полностью отрицать исторический контекст событий для понимания современной ситуации также было бы неправильно.

Так, серьезнейший пласт конфликтов на Северном Кавказе связан с проходившей в годы Второй мировой войны депортацией ряда северокавказских народов – чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев – и насильственным заселением на их территории переселенцев из других мест. Судя по всему, депортированные с Северного Кавказа составили более 20 % общего числа депортированных в этот период⁸⁶. Лозунг реабилитации репрессированных народов являлся основой мобилизации населения в рамках многих северокавказских конфликтов 1990-х гг. Тем не менее заметим, что далеко не во всех случаях сам по себе факт депортации привел в дальнейшем к эскалации конфликтов. Так, депортация в соседней с северокавказскими республиками Калмыкии не имела подобных последствий.

Можно предположить, что исторический контекст важен не сам по себе, а тем, как он влияет на положение и интересы тех или иных групп населения в современной ситуации. Очевидно, депортация ряда северокавказских народов и насильственное заселение их исконных земель представителями других этносов оставили после себя проблему перекрестных притязаний различных сообществ на определенные территории. Именно подобные сохраняющиеся до настоящего момента притязания, а не просто факт исторической несправедливости, лежат в основе существующих на подобных территориях конфликтов. Причем, судя по всему, ценность оспариваемых ресурсов непосредственно связана с остротой воспроизводимых конфликтов. Так, одним из наиболее острых земельных конфликтов, имеющих подобные исторические корни, является осетино-ингушский. При этом «...равнинный, земледельческий Пригородный район был основной житницей для потерявших его ингушей и является одной из наиболее плодородных зон для приобретшей его Северной Осетии»⁸⁷.

Исторические факторы также определяют те или иные характеристики современных сообществ, вступающих в конфликт: степень их сплоченности, религиозности и т. п. Так, М. Роцин утверждает, что у народов, переживших депортацию, религиозные традиции сохранились в бо льшей мере, тогда как «у многих соседей чеченцев из числа тех, кто не пережил трагедии депортации, за исключением, пожалуй, дагестанцев, их религиозные традиции оказались в значительной степени утраченными»⁸⁸.

Кроме того, апелляция к травмам народной памяти может служить основой для мобилизации населения в современных конфликтах, далеко не всегда имеющих прямую связь с давними историческими событиями. Так, Д. Дудаев после объявления Б. Ельциным чрезвычай-

⁸⁶ Рассчитано по: Вишневский А. Серп и рубль. С. 262.

⁸⁷ Добаев И. П., Мурклинская Г. А., Сухов А. В., Ханбабаев К. М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе. С. 46.

⁸⁸ Роцин М. Из истории ислама в Чечне // Ислам на Северном Кавказе. С. 37.

чайного положения в Чечне в ночь на 9 ноября 1991 г. заявил об угрозе повторения сталинской депортации 1944 г. со стороны нового руководства России. На этот момент почти каждый третий чеченец пережил выселение или родился в ссылке⁸⁹.

Таким образом, исторические факты насилия влияют на современные конфликты, но несколько по-другому, чем «замкнутый круг насилия» – через создание условий для современных конфликтов за ресурсы и статусы, а также как фактор мобилизации населения, активизации исторической памяти в рамках этих конфликтов.

⁸⁹ См.: Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. С. 408.

1.4. Типы и формы конфликтов на Северном Кавказе

Анализ факторов конфликтности на Северном Кавказе позволяет сделать вывод, что конфликты в данном регионе можно отнести к двум основным типам:

- конфликты, связанные с перекрестными правами на ресурсы, в первую очередь на землю;
- конфликты, связанные с монополизацией ренты, перекрытостью «вертикальных лифтов» и невозможностью построения карьерных стратегий на основе достоинств и квалификации.

Особую остроту данным конфликтам придают те условия, в которых они протекают, а именно:

- демографический рост;
- конкуренция юрисдикций;
- «замкнутый круг насилия».

Очевидно, что подобная классификация конфликтов существенно отличается от традиционного подхода, когда в основу анализа данной проблемы кладется разделение на этнические и конфессиональные конфликты. Значит ли, что подобная классификация в данном случае полностью отвергается?

Представляется, что необходимо различать содержание и условия протекания конфликтов с одной стороны и их идео логическую форму с другой стороны. В последнем случае мы имеем дело именно с проблемой идеологии. Для идеологий также характерны собственная логика развития и жизненный цикл, идеологические приоритеты вырабатываются в определенном историческом контексте. Так, в условиях противостояния двух систем – социализма и капитализма – радикальные идеологии, во многом отражавшие тот же комплекс противоречий, о котором говорилось выше, принимали в первую очередь форму левых, маоистских и т. п. идеологий. После распада коммунистической системы их популярность резко упала. Подъем националистической идеологии во многом был связан с борьбой колоний за свое освобождение. На Северном Кавказе на сегодняшний день идеологической формой рассмотренных выше противоречий выступают национализм и радикальный ислам (или исламский фундаментализм)⁹⁰. Каждая из этих идеологий занимает свою нишу, в то же время они достаточно активно конкурируют друг с другом.

Так, земельные конфликты маркируются прежде всего как этнические, религия выступает в этом случае дополнительным фактором, подчеркивающим конфессиональные различия между отдельными этносами. В то же время в основном это конфликт не между различными этносами в целом, а между старожилами и «пришлыми», претендующими на одни и те же ресурсы. Причем чем дольше различные этносы проживают совместно, тем, как правило, меньше конфликтный потенциал их взаимодействия, независимо от этнических и конфессиональных различий (судя по всему, основные конфликты, связанные с борьбой за ресурсы, так или иначе разрешаются и без очень сильного детонатора не вспыхивают вновь). Данный тезис поддерживается наблюдениями Юрия Карпова в процессе исследования Кизлярского района Дагестана, который отмечает, что наибольшее недовольство вызывают недавние мигранты из отдаленных районов, плохо адаптированные к жизни на равнине, тогда как переселенцы более ранней волны уже во многом воспринимаются как «свои»⁹¹. При этом

⁹⁰ Мы используем здесь те термины, которые сложились в литературе, не обсуждая их адекватности содержанию рассматриваемого явления. Применительно к исламу об этом пойдет речь в главе 4.

⁹¹ См.: Карпов Ю. Ю. *Переселение горцев Дагестана на равнину*. С.427–436.

значимым фактором конфронтации являются не просто этнические различия, а различия хозяйственных укладов (животноводство в горах и земледелие, в частности садоводство, на равнине) и связанных с ними традиционных ценностей: новые мигранты вырубают деревья, пускают скот свободно гулять по селу и т. п. Аналогичные факты выявлены и нами в ходе полевых исследований: так, в Бабаюртовском районе в качестве стороны конфликта обозначаются мигранты на землях отгонного животноводства, при этом отмечается, что с горцами, переселившимися на равнину в поселки, построенные в советские времена, равнинные народы живут дружно.

В то же время у участников конфликта также усложняется представление о его содержании. Они все в большей мере фиксируют не просто этническую, но социальную природу земельных конфликтов. Особенно остро это чувствуется в Дагестане: «Там [у отгонников] тоже не население пользуется [землей]. Вот кучка есть же: глава СПК, глава администрации. <...> Это даже не такой национальный вопрос. Это чисто криминальный вопрос. Самим этим простым [людям] <...> тоже нет никакой пользы от этого. Они как могут тоже перебиваются. А там жируют. С гор даже одного не пускают спуститься туда лишнего. Вот кто здесь есть несколько человек, с советских времен еще, они с верхушкой все и там тоже одного кормят в Махачкале». Ставят под вопрос этническое содержание подобных конфликтов и властные элиты. Представитель Министерства по национальной политике, информации и внешним связям Республики Дагестан, продемонстрировав, что внутри- и межнациональные земельные конфликты происходят по одному сценарию, заключил: «Искусственное отнесение этих земельных вопросов к межнациональным отношениям, к их проявлениям, оно свойственно у нас в республике. <...> Национальной проблематикой земля становится именно тогда, когда ею начинают злоупотреблять».

Но даже там, где конфликт до сих пор однозначно воспринимается как национальный и конфессиональный, его истинная природа проявляется достаточно явно. Так, в станице Исправная Карачаево-Черкесии противостояние русского населения с карачаевцами носит силовой характер и маркируется как этнический конфликт и во многом как противостояние православия и ислама. Однако базовое содержание конфликта как ресурсного подтверждается тем, что в качестве одной из основных форм борьбы русского населения против «пришлых» рассматривается официальное оформление в собственность земельных участков, причем движение за регистрацию прав собственности на землю в станице явно приобрело политический характер. При этом одна из самых активных борцов за сохранение русского населения станицы рассказывает, как они с подругой-черкешенкой возят друг к другу новорожденных детей и племянников, чтобы благословить их и по православному, и по мусульманскому обычаю⁹².

В то же время в условиях противостояния старожилов и «пришлых» даже гораздо менее глубокие этнокультурные различия могут приобретать гипертрофированное значение. Так, и ногойцы, и даргинцы в Дагестане являются мусульманами, однако относятся к разным мазхабам (правовым школам), каждый из которых имеет специфические особенности религиозных обрядов. При столкновении интересов в связи с миграцией даргинцев на исконно ногойские территории данные различия могли приводить к серьезным осложнениям, вплоть до взаимного обвинения сторонами друг друга в ваххабизме и соответствующих доносов в силовые структуры.

⁹² Аналогичный пример приводит Г. Дерлугьян применительно к традициям добрососедства армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе до карабахского конфликта: «В прошлом армянские крестьяне-земледельцы регулярно производили ритуализированный обмен части собранного урожая на шерстяные изделия, молочные и мясные продукты тюркских и курдских кочевых скотоводов. В соответствии с местной традицией соседи-христиане приглашались принять участие в мусульманском ритуале обрезания. Армянин, державший на своих коленях иницируемого младенца, таким образом становился кирва – кумом и побратимом, т. е. квазиродственником» (Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. С. 304).

В бо льшей мере именно этническая составляющая конфликта проявляется тогда, когда в его основе лежат последствия насильственных действий, предпринимавшихся в прошлом против отдельных северокавказских народов. Однако в этом случае этничность была искусственно привнесена политикой в содержательную сторону конфликта. Поскольку объектом насилия (например, депортации) являлись именно этносы, проживающие на определенной территории, в связанных с последствиями депортации конфликтах этническая общность более адекватно, чем в других случаях, отражает общие интересы каждой из сторон. Но и здесь более детальный анализ может выявить внутреннюю дифференциацию различных слоев и групп в рамках этноса как по их отношению к предмету конфликта, так и по мотивации, лежащей в основе предпринимаемых действий.

Однако в современных условиях все больше конфликтов на Северном Кавказе маркируются как внутриконфессиональные. Это связано с несколькими факторами.

Во-первых, с социальной основой конфликта. К одному этносу принадлежат люди разных, часто противоположных интересов, социальных характеристик, мотиваций. Сложно представить в национальной форме конфликты между поколениями либо между различными социальными слоями, происходящими в рамках единого этноса. Это проявляется и в самих национальных движениях, где вместе сосуществуют представители и элит, и контрэлит. Часть их лидеров может быть встроена в существующую элиту и участвовать в распределении ренты. Она готова поддерживать свой этнос только в той мере, в какой это не мешает карьерному продвижению. Другая часть более заинтересована в процессе, а не в конечном результате борьбы, что позволяет получать ренту, используя конфликт как актив. Те, кто реально стремится разрешить конфликт в свою пользу, часто вынуждены противостоять не только другой стороне конфликта, но и относящимся к элите собственным лидерам, которых они могут считать предателями. Радикальные исламские движения, в отличие от многих этнических, практически не имеют встроеной во властную коалицию элиты. Это позволяет им быть более последовательными в отстаивании своих целей и на данном этапе избегать конфликта между элитой и контрэлитой в собственных рядах.

В то же время религиозная рамка во многих случаях дает основу консолидации сторон конфликта в условиях, когда этническая либо общинная консолидация отходит на второй план. Так, она получает широкое распространение в городах. «Во времена стремительных социальных перемен установившиеся идентичности разрушаются, должно быть переоценено „я“ и созданы новые идентичности. Для людей, которые сталкиваются с необходимостью ответить на вопросы «кто я?» и «где мое место?», религия предоставляет убедительные ответы, а религиозные группы становятся небольшими социальными общностями, пришедшими на замену тех, что были утрачены из-за урбанизации»⁹³. Радикальные религиозные движения – широко распространенная форма социального протеста мигрантов первого поколения, молодежи, оторвавшейся от своих корней и не находящей возможности реализовать свои жизненные притязания в новых условиях.

Во-вторых, важным фактором являются стадии жизненного цикла, на которых находятся различные идеологии. Именно религия, и в первую очередь ислам, представляет сейчас ту идеологическую оболочку, в которой выступают наиболее острые конфликты в современном мире. Что касается России, то «... ислам к середине 1990-х гг. оказался последним традиционным символическим ресурсом для этнических сообществ региона после провалившихся идеологических проектов советского социализма, западного либерализма и местного национализма»⁹⁴.

⁹³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 141.

⁹⁴ Дердугьян Г. Исламский не-фактор на Северном Кавказе. С. 163.

Наконец, в-третьих, конкуренцию социальных идеалов национализма и ислама, судя по всему, выигрывает радикальный ислам. Идеальное исламское государство имеет свой, достаточно четко очерченный, социальный порядок, основанный на идеях справедливости и четком комплексе правил, не установленных людьми, но освященных божественной волей. Тем самым есть основания декларировать, что в рамках подобного государства будут излечены те болезни существующих государственных институтов, которые во многом провоцируют существующие в обществе конфликты. Иллюзорность такого решения, его неосуществленность нигде в мире, в том числе и в исламских странах, не является аргументом для сторонников подобных взглядов, что типично для любой социальной утопии.

Национализм не может предоставить столь убедительного социального идеала, поскольку не формирует символического антипода существующей системе. Под этим флагом борьба ведется за более утилитарные цели – увеличение объема ресурсов и статусов в распоряжении определенного этноса, в отдельных случаях – вплоть до создания национального государства. Причем распределение этих ресурсов и статусов, очевидно, будет идти по тем же правилам, что и в существующем обществе, чему уже есть конкретные доказательства. Вот пример, связанный с созданием одного из национальных районов в Карачаево-Черкесии. Идеологический посыл: «Пока мы у себя дома хозяевами не будем, никогда у нас проблемы не решатся. Никогда. <...> Да, получит это кресло кто-то, не я это кресло получу, уверен. Кто-то другой получит это кресло. Там же будет такой же чиновник сидеть, который будет только кушать. Но мы будем хозяевами у себя дома. <...> Только одно радует – то, что район образовался.

<...> Свежее, может быть, хорошее, здоровое зерно придет. Они могут сделать то, что, допустим, народ чаял от них. Вот народ ждет». А это реальность: «Ребята бегали в свое время, чтобы просто у нас этот район [был], пускай с этим главой – без разницы. Он пришел – ну вообще никаких действий нет. <...> Понабрали племянников, братьев, сватов, <...> команды нет. <...> Ребята охладели все. Полное разочарование... И получается так: сейчас администрация есть района, и там работают люди, которые до этого <...> в жизни не смогли себя как-то показать. <...> Люди [в районе] устали, руки опустились, отторжение такое от власти».

2. Этничность и насилие на Северном Кавказе

Этническое многообразие занимает заметное место в «официальном списке» причин постоянных политических конфликтов и трудностей экономического развития на Северном Кавказе. При обсуждении причин оттока русского населения из Восточного Ставрополья и русских сел и станиц в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Чечни, Моздокского района Северной Осетии – Алании, Прохладненского и Майского районов Кабардино-Балкарии дискурс этнорелигиозного противостояния и в бытовом, и в экспертном сообществе рассматривается как основной. При объяснении напряжения в Кабардино-Балкарии, связанного с межселенными территориями⁹⁵ или с ограничением доступа к политическим ресурсам для представителей балкарской этнической элиты, этнический фактор противостояния кабардинцев и балкарцев доминирует. Конфликты, возникающие на дагестанской равнине как вокруг земель отгонного животноводства, так и вокруг земель под застройку в рамках махачкалинской агломерации, маркируются как этнические конфликты между кумыками, ногайцами и русскими с одной стороны и даргинцами и аварцами с другой. Трудноразрешимым выглядит конфликт в Пригородном районе Северной Осетии – Алании, откуда, по информации районной администрации, в 1992 г. было выселено около 60 тыс. ингушей, причем кто-то из них до сих пор живет в лагерях беженцев. Обостряется конфликт в Новолакском районе Дагестана из-за протестов кумыкского населения, земли которых были отчуждены. На перекрестные права собственности на землю накладываются высокие цены на земельные участки из-за близости к Махачкале, и истечение срока на передачу земель чеченцам-аккинцам, вернувшимся после депортации. В Карачаево-Черкесии создание Ногайского, Абазинского и двух черкесских районов изменило характер политической конкуренции карачаевских и черкесских лидеров, но напряжение сохраняется. Все эти сюжеты рассматриваются как межэтнические конфликты.

В этих условиях Ставропольский край воспринимается своеобразным форпостом России на Юге. В предыдущие столетия русские, украинцы, казаки и другие народы империи (немцы, например) колонизировали Северный Кавказ, замещая кабардинцев, ингушей, чеченцев, кумыков и ногайцев на равнине. С середины XX в. миграционный вектор изменился. Урбанизация среди русских была интенсивнее, традиционное общество разложилось к середине века в значительной степени, рождаемость упала, молодежь начала покидать сельскую местность, выезжая на учебу и заработки, многие оставались работать в городах. В то же время с 1970-х гг. миграция горцев на равнину стала активнее, достигнув своего пика на территории национальных республик в 1990-е гг. События в Пригородном районе Северной Осетии – Алании, две чеченские войны и промежуток между ними способствовали формированию крупных диаспор ингушей и чеченцев в других регионах РФ и за пределами страны.

В настоящее время миграционный поток постепенно захватывает Ставропольский край (особенно Восточное Ставрополье), Ростовскую область, Астраханскую область, Волгоградскую область⁹⁶. Миграция выходцев из северокавказских республик затрагивает и крупные мегаполисы, такие как Москва и Санкт-Петербург, и северные, добывающие газ и нефть, регионы. Почти половина ногайцев, преимущественно молодых, работоспособных

⁹⁵ Данный конфликт подробно анализировался, например, в работе: *Стародубровская И., Миронова Н.* Муниципальная реформа в республиках Южного федерального округа. М.: ИЭПП, 2010. *Соколов Д.* Без паев, но с обманутыми пайщиками. <http://ramcom.net/?p=571>.

⁹⁶ *Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. С. 348–396.

выходцев из Дагестана, Ставрополя и Карачаево-Черкесии, живут и работают в Сургуте, Уренгое и других северных городах.

2.1. Этнический фактор и конфликты

Первое, на что обращают внимание большинство экспертов и исследователей, – это то, что этничность проявляется в различных системах координат. Так, этнические конфликты на Северном Кавказе описываются как минимум в трех измерениях:

- конструирование идентичности, включая формирование «истории народа»⁹⁷,
- борьба за «этническую территорию», составляющая существенную часть дискурса у большинства народов Северного Кавказа,
- политическая конкуренция за распределение ресурсов и статусов.

«Одна линия раскола связана с историческим соперничеством по земельно-территориальным вопросам. Другие проблемы связаны с формированием идентичности и с вопросами современной политики, такими как доступ к должностям, распределение федеральных субсидий и обеспечение благоприятных условий для развития бизнеса... В отличие от остальных регионов Российской Федерации, этничность здесь превратилась во влиятельную политическую категорию, которая определяет социальный статус человека, приемлемый уровень его притязаний и возможность доступа к административным и экономическим ресурсам»⁹⁸. В процитированном докладе SAFERWORLD, который достаточно полно и точно отражает современное понимание ситуации на Северном Кавказе, название параграфа, посвященного соответствующей теме, звучит, как «межэтнические проблемы»⁹⁹.

Однако далеко не все факты вписываются в предлагаемую трактовку. Следующий пример как минимум усложняет обсуждаемую схему. Селение Орота в Хунзахском районе Республики Дагестан не входит в число тех сельских сообществ (джамаатов), которые формируют районную власть. Это сельское общество численностью примерно 1500 человек, насчитывающее около 400 дворов, находится в систематической оппозиции Хунзаху. Село расположено в долине небольшой реки, впадающей в Аварское Койсу. Орота, в отличие от горных скотоводческих общин, всегда славилось своими садами, раскинувшимися как вокруг селения, так и в урочище Ахедуни, находящемся ниже по течению реки, прямо под скалами, которыми обрывается небольшое плато – место основной застройки. В село не доведена асфальтовая дорога, проехать можно либо через селение Тлох, по дороге, ведущей через Гимры, либо через сам Хунзах. Но в обоих случаях дополнительный час пути придется проделать по грунтовой дороге. В Орота не проведен и газ, в отличие от большинства селений Хунзахского плато. Большинство выходцев из Орота, покинувших сельскую общину, работают на рынке в Кизляре. Практически никто не занимает бюджетные должности на уровне района, тем более – не служит в воинской части, которая, достигая 1000 человек по численности, является «градообразующим предприятием» для нескольких селений района (Хунзах, Арани, Цада и т. д.).

Как и большая часть населения плато, оротинцы не признают своим шейхом Саида Эфенди Черкейского, а считают себя последователями Магомеда Ободинского, знаменитого аварского шейха начала XX в. Около села много святых мест (зияратов), жители религиозны – в мечеть ходят почти все. Последователей салафии в селении нет, все придерживаются «традиционного ислама». И имам, и несколько алимов – очень уважаемые люди, включен-

⁹⁷ Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

⁹⁸ Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития, SAFERWORLD, ФГБУН Институт востоковедения РАН. М., 2012. С. 14.

⁹⁹ Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития, SAFERWORLD, ФГБУН Институт востоковедения РАН. М., 2012. С. 14.

ные в разрешение конфликтов и регулирование земельных вопросов. Единственный депутат от Орота в районном совете, выходец из села, живет в Махачкале, в прошлом – член Союза правых сил (СПС). Это мало связано с политическими убеждениями: просто СПС был на момент выборов политическим инструментом Саида Амирова, мэра Махачкалы, даргинца по национальности. Попытаемся перечислить те факторы, которые сформировали политическую коалицию джамаата Орота и Саида Амирова:

- противостояние сельского джамаата Орота районной власти, погруженное в дискурс исторической памяти: «Орота с 1640 г. находится в состоянии войны с Хунзахским ханством»; «Мы поддержали Шамиля, многие погибли в битве при Ахульго, а хунзахцы воевали против [третьего имама Дагестана]»;
- противостояние бывшему в то время президентом республики Муху Гимбатовичу Алиеву, выходцу из горного села Тануси, исторически связанного с Хунзахом¹⁰⁰;
- включенность оротинского политического лидера в строительный и ресторанный бизнес Махачкалы, что автоматически означало связь с мэром города;
- конкуренция политических и религиозных лидеров Орота с районными институтами власти за право разрешать земельные и прочие споры на территории муниципалитета.

Эти мотивы «перевесили» этническую солидарность и привели кандидата в районные депутаты, аварца по национальности, к политическому союзу с одним из самых влиятельных представителей «даргинской элиты». Родственники депутата представляют очень уважаемый в селении Орота тухум – наследников известного в аварских районах шейха, они активно поддержали своего двоюродного брата на выборах.

Нужно отметить, что Хунзахский район – не единственный, в котором патрон-клиентские сети, особенно замыкающиеся на мэра Махачкалы, одновременно председателя общественной организации «Ассоциация муниципальных образований Республики Дагестан», разрушают этническую солидарность. Необходимость опираться на сильных союзников на республиканском уровне при выборах глав районов в Дагестане стимулирует размывание этнической мобилизации даже в моноэтничных районах, таких как Хунзахский, Гергебельский, Табасаранский и т. д. В Дагестане этническая солидарность, часто проявляющаяся в бытовых конфликтах или мобилизуемая для решения конкретных политических задач, значит значительно меньше при формировании устойчивых во времени политических коалиций.

Приведем еще один пример. В ногойском селе Сары-Су, в Щелковском районе Чечни, примерно 15–20 % населения – чеченцы, 80–85 % – ногойцы. На выборах главы села победила женщина, что исключительно редко случается при плебисците в северокавказских локалитетах. В итоге глава села – этническая ногойка, ее муж – чеченец. Предыдущий глава, ногоец, проиграл выборы, потому что все чеченцы проголосовали за его соперницу, жену своего соплеменника. В этой ситуации этнический фактор сработал совершенно по-другому, чем в предыдущем случае.

Ярким примером сопротивления миграционным трендам является станица Галюгаевская Курского района Ставропольского края. «Общий враг» – это чеченцы. Им запрещено не только селиться на территории Галюгаевской, но и даже просто находиться на территории станицы под угрозой избиения людей и порчи автомобилей. Впрочем, побить в Галюгаевской могут не только чеченца, но и любого чужака. Это называется «прописать». Мобилизация при необходимости выступить «стенка на стенку» не требует организационных затрат. Зато «запрещение селиться» – этот принцип не только нарушает российское законодатель-

¹⁰⁰ Часть населенных пунктов в Хунзахском непосредственно входили в Хунзахское ханство, такие как Тануси, а другие джамааты сохранили независимость, например – Орота, Обода.

ство, но и требует существования определенного механизма принуждения: например, принуждения не продавать потенциальным мигрантам свои дома и паи, что часто не выгодно экономически. Косвенно это подтверждается тем, что средняя стоимость жилой недвижимости и паев в Галюгаевской ниже, чем в других населенных пунктах Курского района.

Здесь появляется простейший организационный элемент – выделение лидера и группы поддерживающих его союзников. В Галюгаевской – это казачий атаман, он же – глава муниципального образования. Глава администрации – атаман контролирует:

- «казачьи земли»;
- назначение главы сельскохозяйственного предприятия (бывшего колхоза), и через него почти все не выделенные фермерам земли сельскохозяйственного коллективного предприятия (СКП), переданные предприятию пайщиками;
- распределение ресурсов, которые в форме различных видов поддержки направляются из районного и краевого бюджетов;
- земли муниципального образования;
- бюджетные должности.

Это те ресурсы, которые могут быть использованы атаманом – главой администрации для поддержания лояльности членов своей группы сторонников. Конкуренция за возможность распределять эти ресурсы, конечно, существует. Так, на выборах главы администрации с атаманом конкурировала директор школы, вокруг которой сложилась своя коалиция. По сообщениям информантов, директор школы представляла партию уволенного председателя коллективного предприятия, который, по мнению союзников атамана, «окончательно разрушил колхоз». Примечательно, что директору школы приписывается то, что она обвинила атамана в незаконном отказе прописывать мигрантов. При этом глава администрации вынужден сотрудничать с выходцами или из Чечни, или из других национальных республик, продавая им пшеницу и другие зерновые, сдавая в аренду кирпичный завод на окраине села.

Кроме определения главных «чужих» – чеченцев, – существует еще один способ деления сообщества на две части. Это – старожилы и так называемый «наплыв». Старожилы – настоящие казаки, которые поддерживают образ жизни и традиции истинных галюгаевцев. «Наплыв» – преимущественно русские мигранты из Чечни. К ним отношение настороженное, рассказывают про их деловую хватку, граничащую с мошенничеством, про то, что они не поддерживают традиции, захватили все хлебные места и т. д. Действительно, большинство «коммерческих предприятий» принадлежит представителям «наплыва». Это торговые точки, паркетный цех, торговля строительными материалами. Только кирпичный завод в аренде у чеченца из-за Терека. Представители «наплыва», в свою очередь, жалуются на то, что ни бюджетные должности, ни прочие преференции им недоступны, что выживать приезжим в станице очень тяжело.

В качестве примера, в чем-то противоположного станице Галюгаевская, приведем описание межэтнических отношений в селе Кичмалка Зольского района Кабардино-Балкарии. Согласно исторической справке, которая приводится в статье Капустиной и Захаровой¹⁰¹, «...населенный пункт Кичмалка возник в 1927 г. в результате переселения раскулаченных в период коллективизации жителей степных районов Кабардино-Балкарской автономной области – украинцев, немцев, русских, осетин. Однако еще в 1860-х гг. примерно в этом месте находился аул Магомета Жерештиева, территория современного села была прирезана к Урусбиевскому обществу. Свои земельные участки имели здесь и карачаевцы... В 1935 г. по причине селевого схода в Кичмалку переселяются балкарцы из с. Шыккы... Со временем

¹⁰¹ Захарова Е. Ю., Капустина Е. Л. Кичмалка: хозяйственные модели современного балкарского селения. 31.01.2012. <http://ramcom.net/?p=1245>

русское население выезжает из Кичмалки, а в 1944 г., как и повсеместно по республике, из села было депортировано все балкарское и карачаевское население. В период депортации в Кичмалке проживают кабардинцы, переселявшиеся сюда из окрестных сел. После 1956 г. в село приезжают балкарцы и карачаевцы, причем не только те, кто жил здесь до 1944 г., но и выходцы из других балкарских сел.

Как можно заметить, <...> в отличие от Хабаза (соседнего села), где практически все население – балкарцы, Кичмалка и сегодня многонациональное село. Более 60 % жителей считаются балкарцами, от 10 до 20 % кабардинцы (по разным оценкам), примерно 10 кумыкских семей, остальные жители – карачаевцы... Скорее всего, уменьшение численности кабардинцев связано с невозможностью найти в Кичмалке достойный заработок и поиском более выгодной работы. О желании переехать ближе к Нальчику высказывались многие информанты (если не для себя, то для своих детей – *„чтобы дети не увязли тут в навозе“*), однако высокие цены на жилье на равнине и отсутствие работы сдерживают отток из села»¹⁰².

Кичмалкинцы признают свою пассивность в отстаивании балкарских интересов, в том числе и в деле обсуждения вопроса о межселенных территориях, так активно затрагиваемого на всех собраниях балкарской общественности.

С: А почему же тогда Кичмалка не столь активно, как Хабаз, участвует в балкарском движении?

И.: Здесь, хотя это и называется балкарским селением, много национальностей здесь проживает. Есть и кабардинцы, есть и карачаевцы, есть и кумыки... Как в басне говорится – лебедь, рак, щука – тот туда тянет, тот туда тянет. А когда одна нация, как в Хабазе, они более сплоченные. А когда балкарец говорит, что давай вот так сделаем, кумык потянет на другую сторону. Он хочет по-своему предложить, понимаешь, свой вариант.

С.: Но ведь если все земли перейдут в муниципальную собственность, в собственность сельской администрации, то от этого выиграют и кумыки, и балкарцы, и кабардинцы, которые живут на территории этого сельского образования. Казалось бы, зачем местным кумыкам или местным кабардинцам препятствовать возвращению земель из районного владения?

И.: Они не препятствуют. Просто их подход к национальному вопросу, к балкарскому вопросу, они косвенно относятся.

С.: То есть не интересуются?

И.: Не интересуются. Пусть об этом позаботятся лично коренные балкарцы.

Вот эти семьи все, и кумыки, и карачаевцы, и балкарцы, у них у всех смешанные браки, понимаете?... Они, хочешь, не хочешь, зависимы друг от друга. *Не хочет один раскачивать лодочку, понимаете?* Чтобы угодить ему, тот делает поблажку. В итоге единства нет, сплоченности нет»¹⁰³.

Напрашивается вывод, что сохранение баланса интересов в локальном сообществе оказывается важнее и предпочтительнее участия в политической балкарской мобилизации. В Кичмалке этнический фактор блокируется локальной солидарностью.

¹⁰² Захарова Е. Ю., Капустина Е. Л. Кичмалка: хозяйственные модели современного балкарского селения. 31.01.2012. <http://ramcom.net/?p=1245>

¹⁰³ Следует отметить отсутствие сплоченности кичмалкинцев не только в этом, но и в других вопросах. Например, участвовавшие в селе в последнее время случаи скотокрадства и конокрадства пресечь так и не удастся. Многие информанты подозревают своих односельчан в соучастии в кражах, однако общая разобщенность не дает людям провести действенное расследование случившегося. *«Например, если я знаю, кто ограбил соседа, я не скажу. Я за себя, за свой скот побоюсь. Вот так здесь. Каждый за себя, за свой сарай, скот боится»*. Для сравнения – в соседнем Хабазе с этим успешно борются организованные сельской общественностью вышеупомянутые молодежные патрули.

Из этих и многих других примеров складывается впечатление, что политические союзы и конфликты не формируются исключительно на основе этнических групп, а конструируются по принципу «здесь и сейчас», без очевидного этнического детерминизма.

На Северном Кавказе этническая солидарность, возможно, ослабляется еще и тем, что деловым и административным языком, общим для всех, безусловно, является русский язык. Использование национальных языков ни в деловом, ни в административном документообороте не принято. Поэтому дальше с большим трудом поддерживаемой национальной литературы и прессы (значимым потребителем газет на национальных языках являются жители сельской местности), групповой мобилизации, семейной и бытовой сферы функция языков и диалектов как коммуникационной основы институциональной системы не простирается. Доступ к образованию, в том числе – к освоению на приемлемом уровне русского языка, является более значимым ресурсом для карьерного роста, чем родной язык.

Описанная в литературе применительно к другим странам ситуация¹⁰⁴, когда одна этническая группа доминирует, ограничивая доступ других к административным должностям, военным и полицейским специальностям, торговле и образованию, используя язык как один из основных барьеров, именно на Северном Кавказе не складывается. Национальные языки не могут стать здесь инструментом этнической дискриминации в политическом и экономическом пространстве. Однако в публичной сфере, профессиональных коллективах, иногда даже на уровне советов и «актива» муниципальных образований язык все-таки может выступать в роли дискриминирующего инструмента или в другой символической роли.

Необходимо отметить также, что кроме этнической идентичности на Северном Кавказе существует множество других – локальная, религиозная, родовая и т. д. Интересны попытки адыгов и карачаевцев возродить родовые структуры. Они отмечены в литературе: «Большую роль в современном горском обществе играют клановые структуры, в рамках которых создаются объединения родственников – *лъэлкъ Хасэ*. В 2006 году в ауле Хакуринохальб РА проводился съезд рода Сиюховых – в этом ауле компактно проживает много Сиюховых. На съезд приехали представители этого рода из Краснодара, Майкопа, Красногвардейского и Кошехабльского районов РА. На этом собрании Сиюховы приняли решение об организации родового фонда. В ауле Мамхег РА в 2006 году проходил футбольный турнир между 9 «фамильными родами» разных аулов района...

...Каждая семья стремится возродить свою тамгу¹⁰⁵, которая используется в разных сферах жизни семьи: на памятнике обязательно ставится тамга того рода, к которому относился умерший...»¹⁰⁶.

Похожая с Сиюховыми история описывается информантом в Кабардино-Балкарии, где была организована встреча представителей фамилии Джаппуевых. Интересно, что на встрече, на которой собралось больше 1000 человек, присутствовали и кабардинцы, и балкарцы, и гости из Абхазии.

Под одной тамгой Бешто объединены более 250 семей в Кабардино-Балкарии, в основном – в Баксанском районе, где в ауле Кызбурун 3 есть целая улица Бешто. Консолидация представителей фамилии возможна. Она имела место, по словам информанта, вокруг эконо-

¹⁰⁴ Как, например, сюжет с «ладино» и «индиго» в городе колониального типа Сан-Кристобль-де-Лас-Касас, бывшая столица штата Чьяпас в Мексике, где испанский язык является одним из инструментов ладино (так называется испаноязычная группа населения) в поддержании административного, военного и экономического господства над индейцами из соседних деревень (*Зивертс Х.* Этническая стабильность и динамика границ в южной Мексике // Этнические группы и социальные границы // Социальная организация культурных различий: сб. ст. / под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. С. 122–141).

¹⁰⁵ Тамга – родовой, фамильный знак, которым метили скот.

¹⁰⁶ *Бабич И. Л.* Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2008. Вып. 208. С. 22.

мических интересов, во время выборов (особенно – если представитель семьи баллотируется), для силовой защиты членов фамилии при необходимости.

Размывание этнического фактора не снимает с повестки «этнический конфликт» как формулу, которой привычно пользуются и эксперты, и представители населения, непосредственно в этот конфликт вовлеченные. Эта трактовка укрепляется распространенным определением этнической группы, используемым в антропологической литературе, которое идеально приспособлено как раз для этнически детерминированной модели конфликтов – «... термин «этническая группа» обычно используется для обозначения народонаселения, которое:

- 1) в значительной степени биологически самовоспроизводимо;
- 2) разделяет фундаментальные культурные ценности, реализованные во внешнем единстве культурных форм;
- 3) образует поле коммуникации и взаимодействия;
- 4) характеризуется тем, что принадлежность к группе, идентифицируемой как теми, кто в нее входит, так и теми, кто в нее не входит, конструирует категорию, отличную от других категорий того же порядка¹⁰⁷».

В «Большой советской энциклопедии» академика Ю. В. Бромлея про нацию сообщается примерно то же – общность людей, объединенная языком, культурой, вероисповеданием, территорией.

Однако подобное определение нельзя считать полностью удовлетворительным. Есть примеры этносов и наций, которые не обладают одним из этих признаков (кроме последнего в определении этнической группы – поддержание границы с иными), а есть примеры не наций и не этнических групп, которые, в свою очередь, всеми этими признаками обладают. Ногайцы в Ногайском районе Дагестана отличаются и от сулакских ногайцев, и от ногайцев Карачаево-Черкесии, и от ногайцев селения Канглы Ставропольского края. Это один этнос или несколько? Если один – то где общность территории, биологического воспроизводства и даже языка (некоторые бабаюртовские ногайцы говорят по-кумыкски)? Если несколько – почему и сами ногайцы (безусловно, выделяя внутри себя так называемых «караногайцев» и кубанских ногайцев), и народы, живущие рядом с ними, определяют все эти группы как один этнос? Армяне села Эдиссия Ставропольского края говорят на тюркском языке и ходят в армянскую церковь. Они, безусловно, считают себя армянами, но иногда говорят об особом «эдиссийском народе»¹⁰⁸. Аварцы селения Согратль Гунибского района Дагестана имеют все признаки отдельной этнической группы, но по всеобщему мнению (да и по собственному признанию) – относятся к «этническим аварцам». Попытка «зафиксировать» и с полнотой определить этническую группу приводит к «дурной бесконечности» форм.

Согласно предлагаемой концептуальной рамке следует рассматривать этничность не как имманентное свойство определенной группы людей, связанных общим происхождением, занимаемой территорией, языком, культурой, рефлексирующих и о своей общности, и о своей особости одновременно, а как процесс, который как минимум должен обеспечивать два результата:

- поддерживать границы группы индивидов, относящих себя и относимых внешним миром к одному этносу;
- регулировать «правила перехода» этой границы.

¹⁰⁷ Этнические группы и социальные границы // Социальная организация культурных различий: сб. ст. / под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. С. 11.

¹⁰⁸ Материалы полевых исследований. Соколов Д., Гуляева Е., 2011; Симонян Р. А. Едисия – Эдиссия. Историко-этнографический очерк (к 200-летию создания села). Эдиссия, 1998.

Тем самым этнический фактор определяется как совокупность нескольких функций из ряда определения «свой-чужой», а не как статичный набор связанных друг с другом признаков. Кроме «этнического фактора», есть еще много способов отделения «своих» от «чужих», способов формирования внутреннего социального пространства по отношению к внешнему. «Своих» от «чужих» отличают по родству, по принадлежности к локальному сообществу, по лояльности в рамках патрон-клиентских связей. По правому или левому берегу реки или стороне улицы, по времени заселения («наплыв» и старожилы) в село или город, по вероисповеданию, по участию в группе интересов, по языку, по убеждениям или профессии, по классовой принадлежности, по учебному заведению, в котором вместе учились, и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.